

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ВОЗДУШНЫЕ
ССЫЛЫ СССР

Евгений
ПОРЫШКИН

«АХТУНГ!
ПОКРЫШКИН
В ВОЗДУХЕ!»

«Сталинский сокол» №1

Евгений Полищук
«Ахтунг! Покрышкин в воздухе!».
«Сталинский сокол» № 1
Серия «Легендарные асы СССР»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8342583

Евгений Полищук. «Ахтунг! Покрышкин в воздухе!». «Сталинский сокол» № 1»: Яуза : Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74881-5

Аннотация

«Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин!» – неслось из всех немецких станций оповещения, стоило ему подняться в воздух, и «непобедимые» эксперты Люфтваффе спешили выйти из боя. «Храбрый из храбрых, вожак, лучший советский ас», – сказано в его наградном листе. Единственный Герой Советского Союза, трижды удостоенный этой высшей награды не после, а во время войны, Александр Иванович Покрышкин был не просто легендой, а живым символом советской авиации. На его боевом счету, только по официальным (сильно заниженным) данным, 59 сбитых самолетов противника. А его девиз «Высота – скорость – маневр – огонь!» стал универсальной «формулой победы» для всех «сталинских соколов».

Эта книга предоставляет уникальную возможность увидеть решающие воздушные сражения Великой Отечественной глазами самих асов, из кабин «мессеров» и «фокке-вульфов» и через прицел покрышкинской «Аэрокобры».

Содержание

От автора	4
Возвращение в Краснодар	5
1	5
2	9
3	11
4	12
5	16
6	18
7	21
8	25
9	28
10	32
11	36
У синего моря	41
1	41
2	43
3	47
4	56
5	58
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Евгений Полищук

«Ахтунг! Покрышкин в воздухе!». «Сталинский сокол» № 1»

От автора

«Тревога! Тревога! Покрышкин в воздухе! Покрышкин в воздухе!» – неслось в воздух с земли на Кубани с мая по август 1943 года. Это немецкие наводчики предупреждали своих пилотов – в районе боевых действий появилась смертельная угроза. Крутили в ужасе головами молодые пилоты, лихорадочно разыскивая в небе силуэт красноносой «аэрокобры». Невольно прижимались друг к другу опытные, норовя при первом же удобном случае повернуть на свой аэродром. Появление советского аса всегда было неожиданным, атаки молниеносными, кинжальные удары – смертельными.

Александр Иванович Покрышкин был безоговорочно признан лучшим летчиком-истребителем Великой Отечественной войны всеми советскими специалистами и летчиками-ветеранами. «В бою все средства хороши, – не раз говорил он. – Надо было лишь знать, когда их применять, в какой обстановке и в каких комбинациях».

Не раз встречался в боях Покрышкин с довольно сильными противниками, пилотировавшими, может быть, не хуже его. В таких случаях, прощупав немца, он отказывался от обычных приемов и применял новые. Порой, встретив опытного и хитрого противника, Александр Иванович не мог сразу предугадать его замысел. Тогда он дублировал маневр немца, внимательно наблюдал за каждым его движением и, в конечном счете, ловил его на допущенной ошибке и сбивал.

Все немецкие летчики на Кубани знали фамилию Покрышкина очень хорошо, впрочем, как и фамилии других советских асов – Фадеева, братьев Глинка, Скоморохова, Семенишина и других. За ними специально охотились.

А. И. Покрышкин проявил себя и как выдающийся авиационный педагог, воспитавший целую плеяду блестящих летчиков-истребителей. Только в 16-м гвардейском истребительном полку, а потом в 9-й истребительной дивизии, которыми он командовал, были четыре дважды Героя и тридцать девять Героев Советского Союза. Около девятистот человек были награждены орденами страны.

В предлагаемой книге в литературно-художественной форме описан самый «звездный» период жизни А. И. Покрышкина и его однополчан – участие в боях за Кубань и Крым в 1943 году. За этот год Покрышкин был трижды представлен к званию Героя. Такого историка советской авиации еще не знала!

Книга является данью глубочайшего уважения к русским людям, патриотам своей страны, продемонстрировавшим всему миру образцы высочайшего героизма, мужества и человеческого достоинства. Это попытка связать прошлое с настоящим. Ведь история, наверное, для того и существует, чтобы мы не забывали о подвигах наших отцов и дедов.

В книге использованы воспоминания самого А. И. Покрышкина, его жены Марии Кузьминичны, публикации Ю. А. Жукова, А. В. Тимофеева, Ю. С. Устинова, материалы военных архивов и статьи военных специалистов.

Автор

Возвращение в Краснодар

1

В середине февраля 1943 года Южный фронт, освободив город Ростов, отрезал не успевшую выбраться через ростовскую «горловину» на широкие просторы Украины 17-ю немецкую армию генерал-полковника Руоффа. За ее спиной оказались Черное и Азовское моря.

Разгром этой группировки возлагался Ставкой Верховного Главнокомандования Советской Армии на СевероКавказский фронт. Освободив в ходе ожесточенных боев Пятигорск, Нальчик, Минеральные Воды, Ставрополь, Майкоп и Краснодар, этот фронт 22 февраля свое наступление вынужден был приостановить. Ранняя весна, вызванная ею распутица привели все грунтовые дороги в негодность. Кругом стояла непроходимая грязь. Аэродромы, неоднократно в ходе боев переходившие из рук в руки, от постоянных бомбежек оказались разбитыми, а железные и автомобильные дороги немцы при отступлении разрушили. В итоге войска Северо-Кавказского фронта оказались без боеприпасов, продовольствия, отстали танки и артиллерия.

Гитлеровское командование, используя создавшуюся паузу, руками советских военнопленных и местного населения начало срочно возводить три оборонительные линии под общим названием «Готтенкопф», которые позже русские назовут «Голубой линией». С созданием этих линий обороны Гитлер и его генералы связывали большие надежды, считая, что они позволят сохранить кубанский плацдарм для последующего развертывания с него новых наступательных операций на Кавказе.

Уже 28 марта начальник немецкого генерального штаба генерал Цейтлет сообщил командующему группой армий «А» фон Клейсту: «Фюрер решил, что 17-я армия должна удерживать позицию «Готтенкопф», включив в нее Новороссийск, во что бы то ни стало».

Включение Гитлером города Новороссийска в позиции «Готтенкопф» принесло немецкому командованию немало хлопот. Дело в том, что Новороссийск немцы пока удерживали, но русские под городом ухитрились создать насыщенный войсками плацдарм, который ставил под угрозу все оборонительные линии.

Сил у генерал-полковника Руоффа на Таманском полуострове и кубанском плацдарме было предостаточно – около 350 тысяч солдат и офицеров. К тому же ему планировалось оказать помощь авиацией, которая на Тамани, в Крыму и на юге Украины располагала сетью аэродромов с бетонными взлетными полосами, в то время, как у Северо-Кавказского фронта был единственный такой аэродром в Краснодаре, но и тот находился на значительном расстоянии от полей будущих сражений. Грунтовые аэродромы в связи с весенней распутицей использовать пока было невозможно.

Меж тем весна уверенно вступала в свои права. Установилась теплая, солнечная погода. Прикубанские чернозольные лиманы заполнялись перелетной птицей. Ночью, когда в лунном золоте плесов играли белобрюхие сазаны, высоко в небе слышалось курлыкание вечных странников – журавли, тяжело помахивая могучими крыльями, летели в свои заветные места. Шумели воды Кубани, кружились под крутояром пенные стремнины, и молочай над отслоенным глинищем вытягивал липкие растопыренные стебли. Поднимались степные травы, пустынные поля, густо помеченные воронками от снарядов и бомб, гостеприимно принимали грачиные стаи.

Восьмого апреля, после полудня, шестерка американских истребителей «аэрокобра» на бреющем с грохотом прошла над взлетной полосой аэродрома в Краснодаре и сделала

горку. На высоте около двухсот метров ведущий перевернул свой самолет на спину, потом выровнял его и, заложив крутой вираж, с ходу пошел на посадку. За ним маневр повторили остальные. Один, правда, несколько замешкался, сделав недостаточно энергичный разворот.

– Вот это да! Вот это мастера! – восторженно воскликнул кто-то из летчиков, наблюдавших на стоянке за посадкой новеньких.

– Наши пришли, 16-й гвардейский! – с гордостью сообщил техник, невысокий коренастый крепыш, стоявший рядом с наблюдавшими. – О Саше Покрышкине слышали?

– Нет.

– Ну ничего, скоро услышите, – уже на ходу бросил он, торопливо направляясь к первому из прилетевших истребителей под номером тринадцать. Все прибывшие были с красными обтекателями винтов и такой же красной вертикальной полосой на киле. Несколько непривычно выглядели эти боевые машины: носовая стойка шасси вместо задней опоры, как у наших истребителей, поддерживала самолет спереди, отчего его хвост был постоянно приподнят.

Первая «кобра» закончила пробег, подрулила к краю бетонированной полосы, резко развернулась на месте и затихла. Съезжать с полосы было опасно – кругом стояла непролазная кубанская грязь, и все самолеты теснились на полосе один возле другого, словно воробы на заборе.

У истребителя, как у автомобиля, открылась боковая дверца, из кабины быстро выбрался летчик, снял с себя и оставил на крыле парашют, кожаный реглан, быстрым движением привычно одернул гимнастерку со шпалами капитана на петлицах, надел на голову примятую «блинчиком» фуражку, которую достал из-под сиденья, и спрыгнул на землю. Слегка прихрамывая на правую ногу, пилот отошел от самолета в сторонку и остановился.

Был он выше среднего роста, широк в плечах, стройный, с развитой мускулатурой. Во всех его движениях сквозила упругая точность, свидетельствующая о хорошем владении своим телом. Его сухощавое, резко очерченное лицо выражало недовольство, он хмуро поглядывал вокруг, осматривая аэродром, видимо, ожидая, пока подойдут его товарищи.

Пять летчиков, весело переговариваясь между собой, уже спешили к нему.

– Как машина, товарищ гвардии капитан? – спросил у летчика подбежавший невысокий техник.

– Подожди, Гриша!

Техник послушно отошел в сторону. Летчики приблизились.

– Неважно садились, – негромким баском отрывисто заговорил капитан. – Ты, Козлов, почему замешкался на вираже? Думал, я не увижу? Так тебя «худой» и срежет, если будешь медлить при посадке. Понял?

– Понял, товарищ гвардии капитан.

«Худыми» летчики между собой называли немецкие истребители «Мессершмитт-109», или просто «Ме-109», или «месс».

– Ладно, пошли на КП. Потом разберемся, – скомандовал капитан, и все энергичным шагом направились в сторону развевающегося вдалеке флажка и стоявшей рядом с небольшим строением – командным пунктом, КП, как сокращенно называли его летчики – легкой автомашины.

Там прилетевшие ранее летчики о чем-то оживленно переговаривались. Прибывшие тоже активно включились в разговоры. Все с тревогой и волнением поглядывали на горизонт – ждали прибытия третьей эскадрильи под командованием Вадима Фадеева. Вел ее опытный пилот, штурман полка Пал Палыч Крюков.

– Куда же твой друг делся, Саша? – спросил у прибывшего капитана командир второй эскадрильи Тетерин, один из тех, кто начал воевать с полком в Молдавии в сорок первом. – Не могли же они пропасть с таким штурманом, как Пал Палыч!

Капитан промолчал. Он вообще по характеру был человеком сдержанным и немногословным. «Действительно, где же они? Все сроки уже прошли, – размышлял он. – Может, с ними что-нибудь случилось на маршруте?»

– Думаю, их можно уже не ждать. Полетное время вышло. Видимо, сели на другом аэродроме, – наконец ответил капитан Тетерину.

Командир вновь прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка майор Исаев нервно прохаживался в сторонке. Увидев капитана, он с досадой бросил:

– Вот, Покрышкин, результаты деятельности в полку вашего Иванова. Это не гвардейцы, а разгильдяи!

Иванов командовал полком с начала войны, а летом сорок второго по ранению был отправлен в тыл, и его сменил Исаев.

– Перелетал весь полк, – парировал Покрышкин. – Видимо, командиру самому надо было его вести...

Намек был прозрачен. Исаев плохо летал и побоялся возглавить перелет полка в Краснодар.

– Ты свои привычки указывать начальству брось! – вспыхнул Исаев. – Видимо, мало мы проучили тебя в прошлом году.

Стоявший рядом с Покрышкиным заместитель командира полка по политчасти Погребной дернул Александра за рукав гимнастерки.

– Не связывайся ты с ним, Саша! Держи себя в руках, – шепнул он.

– А чего он свою злость срывает на Иванове! Нас, боевых летчиков, разгильдяями называет. А сам? За полтора года пребывания в полку он не сделал ни одного боевого вылета! Только и знает, что командовать...

Ответить Погребной не успел.

– Михаил Акимович! – обратился к нему Исаев. – Забирайте людей и устраивайтесь с жильем!

– Есть, товарищ командир!

Погребной махнул рукой, и все летчики дружно двинулись к небольшому строению, видневшемуся вдалеке. Шли и чертыхались – черная тягучая грязь липла к сапогам, превращая их в пудовый груз.

Наконец добрались. В просторном длинном помещении вдоль стен были оборудованы двухэтажные нары, на нижних полках которых уже разместился летный состав 45-го истребительного полка, перебазировавшегося в Краснодар раньше. 16-му пришлось довольствоваться вторым этажом.

С шутками летчики взялись взбивать на нарах соломенные матрасы, раскладывать свои пожитки, с опаской посматривая на тонкие стойки, подпирающие второй этаж, – выдержат ли они.

– Нашего Вадима эти нары точно не выдержат. Клянусь! – бросил кто-то из шутников. Все дружно захохотали. За тему ухватились и стали дружно ее развивать.

– Вот нижним достанется!

– Ничего, будут долго помнить гвардейцев!

По бараку то и дело катился хохот.

– Весельчаки прибыли, – сердито пробурчал кто-то с нижнего этажа. – Посмотрим, как они будут веселиться, когда с «худыми» встретятся!

Покрышкин, бегло осмотрев постель, сложил на нее свои пожитки и направился к Погребному, который стоял в конце коридора и о чем-то беседовал с командиром батальона аэродромного обслуживания, или, как все его называли – БАО.

– Товарищ замполит! Разрешите выехать в город – нужно постричься и прикупить кое-что по мелочи.

О мелочах Покрышкин придумал – просто ему хотелось осмотреть город.

– Можешь дать ему машину? – обратился Погребной к командиру БАО.

– Мой «газик» вас устроит? – спросил тот у Покрышкина.

– Вполне.

– Тогда берите и езжайте.

Услышав о предстоящей поездке, стоявшие рядом летчики тут же заявили, что им тоже надо постричься. «Газик» оказался заполненным до отказа.

2

С тяжелым сердцем Покрышкин возвращался в город своей молодости. Здесь до войны он учился летать на планере, в местном аэроклубе поднялся в свой первый самостоятельный полет на «У-2», наконец, здесь добился разрешения на поступление в летную школу и отсюда уехал в городок Кача под Севастополем, чтобы стать военным летчиком. Сколько же сил и энергии он потратил за те девять лет, чтобы завоевать право встать в строй военных летчиков-истребителей! Об этом знал только он один. И произошло все это всего лишь пять лет назад. Пять лет, но сейчас ему казалось, что это было так давно.

Из газет он уже знал, что Краснодар сильно разрушен. И вот сейчас, сидя за рулем набитого летчиками «газика», медленно и осторожно лавируя между завалами камней, срубленных деревьев, воронок, он не узнавал знакомые и близкие его сердцу места. На месте красивых домов стояли закопченные кирпичные остовы стен с пустыми глазницами, бывшими когда-то окнами и дверями, вместо густых тенистых аллей, – обугленные, расщепленные столбы, которые уже никогда не зазеленеют. Где эти зеленые, нарядные, заполненные людьми улицы, залитые огнями витрины магазинов?

Вот здесь была библиотека – сколько раз он брал тут книги, работая над чертежами своих рационализаторских предложений, или когда готовился к экзаменам в Академию военно-воздушных сил. Здесь был кинотеатр, – показывал он ребятам на мрачную каменную коробку, – тут молодые авиатехники смотрели фильм «Веселые ребята», выпуски кинохроники о боях в Испании, а потом бурно обсуждали события в мире. Какой далекой сейчас казалась ему эта война, и как близко принимал он ее тогда к сердцу.

...Он песенку эту твердил наизусть...
Откуда у хлопца испанская грусть?
Ответь, Николаев, и Харьков, ответь:
Давно ль по-испански вы начали петь?
Откуда ж, приятель, песня твоя:
«Гренада, Гренада, Гренада моя».

Кто из комсомольцев не напевал тогда эту песню? А вот и большой дом – «стоквартирка», где он прожил три года. То, что от него осталось, коробку, он узнал сверху, когда подлетал к Краснодару. Вот там была когда-то его комната...

Офицеры выбрались из «газика» и пошли пешком. Покрышкин показал, где раньше располагался Дом офицеров, незаметно подошли к аэроклубу. Перед его разрушенным зданием Саша остановился и замолчал. Сердце защемило от горестных воспоминаний, ребята, сочувствуя, тоже приумолкли...

Они гуляли уже около двух часов и порядком устали. Увидев на одном из уцелевших зданий вывеску «парикмахерская», кто-то сказал, что неплохо бы все-таки постричься, и все дружно повернули к входу.

В большой комнате помещалось три обшарпанных стола с зеркалами на них и такие же обшарпанные кресла. За первый стол, оказавшийся свободным, сел Покрышкин, и им тут же занялся седой, узкогрудый старик с большим крючковатым носом.

– Вы меня не узнали? – спросил его Александр. – Вы оставались в городе или эвакуировались?

Старый мастер внимательно посмотрел на капитана, и слезы непроизвольно потекли из его глаз. Только теперь он узнал своего клиента, неоднократно стригшегося у него до войны.

Старик всегда был словоохотливым человеком. Раньше от него можно было узнать все городские новости. Теперь он изменился. Радости от неожиданной встречи хватило ненадолго, он как-то сразу сник и тихо заметил:

– Боюсь, что вы вряд ли встретите в городе кого-то из старых знакомых. В Краснодаре больше мертвых, чем живых...

И пока стриг и брил Покрышкина, он медленно, бесстрастным голосом, рассказывал о «новом порядке», установленном немцами в оккупированном городе – о виселицах в парке, о трупах в противотанковых рвах, о «душегубках» – автобусах, в которых людей душили окисью углерода.

В зале стало совсем тихо. Женщины-парикмахерши прекратили работу и скорбно молчали.

Покрышкину стало не по себе. С трудом дождавшись, пока летчики закончили стрижку, он вышел на улицу. Его спутники тоже заторопились.

– Надеюсь всех вас увидеть в моем кресле после победы над врагом!

Они оглянулись. Старый мастер стоял у двери и махал им вслед рукой.

Все молча погрузились в машину и поехали. У Александра крутились в голове строки Симонова:

Когда тыходишь в город свой
И женщины тебя встречают,
Над побелевшей головой
Детей высоко поднимают;
Пусть даже ты героем был,
Но не гордись – ты в день вступленья
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.
Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту годину,
Когда твой отступивший полк
Их на год отдал на чужбину...

3

По прибытии из города летчики узнали, что эскадрилья Фадеева так и не прилетела. Пора было устраиваться на ночлег.

Не успели они снять обмундирование, как снаружи послышался треск мотоцикла. Потом он умолк, и через минуту раздалась команда дневального: «Смирно!» Все вскочили.

Покрышкин вместе со всеми встал по стойке «смирно». По коридору барака, прямо на него, быстро шел коренастый военный в фуфайке без знаков различия. За ним едва поспевал командир полка Исаев, делая на ходу окружающим отчаянные знаки. Дойдя до Покрышкина, военный остановился, подал команду «вольно» и первым протянул Саше руку:

– Командир 216-й авиационной истребительной дивизии генерал-майор Борманов.

– Гвардии капитан Покрышкин!

– Присаживайтесь, товарищи! – предложил командир дивизии и сам присел на услужливо подставленную Исаевым табуретку. – Ну как долетели? Нормально? Без одной эскадрильи? Ну, с этим вопросом мы уже разобрались. Эскадрилья в полном составе села у железнодорожной станции Лабинская. Ведущий группы, приняв разлив Кубани за море, решил, что сбился с маршрута, и взял немного правее. Завтра они будут здесь. Бензовозы к ним уже отправлены.

По документам комдив Борманов знал историю прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка и был доволен, что гвардейцы, получив двадцать семь скоростных американских «аэрокобр», вливаются в его дивизию в разгар боев на Кубани. Сейчас ему хотелось познакомиться с людьми и узнать их поближе.

– А что это вы, товарищи офицеры, все еще кубики и шпалы носите? А там, на Каспии, вам что, еще погон не вручали? Нет. Ну, мы это быстро исправим. А вас, товарищ капитан, за что наградили орденом Ленина?

Покрышкин от такого неожиданного вопроса даже растерялся.

– За разведку, товарищ генерал, – подсказал сидевший рядом Гриша Речкалов, быстрый на язык парень. – Он танки Клейста разыскал.

– Вот как! – воскликнул Борманов. – Интересно, что это была за разведка.

4

Покрышкин сразу вспомнил бои под Ростовом в конце ноября 1942 года. Измотав противника, наши войска перешли в наступление. Как назло, совершенно испортилась погода, летать группами стало невозможно, и летчики сильно переживали от того, что не могли помочь наземным войскам. Оставалась лишь одна возможность – вылетать в разведку в одиночку.

В один из таких серых ненастных дней его срочно вызвали на командный пункт полка. Собираясь, он хотел прихватить с собой планшет, но, выглянув за дверь землянки, убедился, что карта вряд ли ему понадобится: облака висели так низко, что не виден был даже противоположный конец аэродрома.

Пробежка до КП заняла минуту, и вот он уже стоит перед командиром полка Ивановым, высоким, плотным, широкоплечим человеком с добрыми карими глазами. По тому, как Виктор Петрович протянул ему руку и усадил рядом с собой на табуретку, Покрышкин догадался, что ему предстоит выполнять какое-то важное задание.

– Ну, как твое самочувствие, Покрышкин? – тепло, и хотя он был старше всего на три года, по-отечески ласково обратился Иванов к летчику. Покрышкин давно уже заметил, что командир полка ему симпатизирует, хотя на людях этого никогда не показывает. Но стоило им остаться вдвоем, как они начинали улыбаться друг другу, беседовать по-простому, не соблюдая субординации. Покрышкину всегда хотелось спросить комполка о его здоровье, о его близких, но он стеснялся и только смотрел на него преданными глазами. А Виктор Петрович мог положить руку на плечо летчика и спросить, почему на нем такая старая гимнастерка, что ему пишут из дома. Он всегда внимательно выслушивал все деловые предложения Покрышкина, приговаривая при этом свое излюбленное «хорошо, хорошо», и учитывал их в своей работе.

Вероятно, он не только с Покрышкиным поддерживал такой душевный контакт, но и с другими летчиками тоже, стараясь каждому из них передать частицу тепла своей щедрой души, вселить в это трудное время уверенность в победе над врагом. Ведь недаром же его все так любили в полку и старались во всем ему подражать, особенно в умении пилотировать самолет.

– Хорошее, товарищ майор.

– А знаешь ли ты, Покрышкин, что наш полк представлен к званию «гвардейский»? В старой русской армии были лейб-гвардии Семеновский и Преображенский полки, в Гражданскую войну была Красная гвардия, а теперь вот и наш 55-й полк вступает в ряды гвардейцев. А разве мы не заслужили такую честь? – спросил майор, оглядывая присутствующих.

– Я думаю, что вполне заслужили, – заметил начальник штаба полка Матвеев.

– Вот я тоже так думаю, – продолжил Иванов. – Ну а теперь к делу: надо лететь, Покрышкин.

– Сейчас?

– Да, только что звонил командир дивизии. Получено важное задание из штаба фронта. Надо, Покрышкин, найти танки генерала Клейста. Комдив грозит – не найдем танки, не быть нам гвардейцами.

– Если лететь, то только одному.

– Безусловно. При такой погоде двое не пройдут.

О танковой группе Клейста в полку уже знали. Проскочив западнее Орехова, проутюжив ряд районов Донбасса, танки достигли Дона. Клейст пытался с ходу взять Шахты, чтобы потом форсировать Дон и обойти Ростов. Но неожиданно столкнулся с яростным сопротив-

лением советских войск и, получив под Шахтами сокрушительный удар, генерал откатился назад и под покровом ноябрьских туманов куда-то исчез.

Покрышкину предстояло в течение одного-двух часов осмотреть с воздуха все прифронтовые лесополосы, лесочки, долины и села около Шахт, найти эти проклятые танки, указать их точное местоположение, чтобы советское командование могло составить представление, куда могут быть направлены танковые силы группы «Юг». Для советских войск, обороняющихся в районе Донбасса, это был вопрос жизни или смерти.

– Дайте мне двухкилометровку, – обратился летчик к начальнику штаба. – Моя карта малого масштаба и для такого полета не годится.

Никандрыч, так летчики называли между собой своего начштаба, молча расстелил на столе нужную карту, и Покрышкин занялся прокладкой маршрута. «Выйти к Дону, повернуть на юг, потом взять вправо и лететь вдоль дороги, ориентируясь по телеграфным столбам. Дойти до линии железной дороги и снова повернуть влево, – тихо шептал он. – Так, нужно просчитать время пролета каждого ориентира и проиграть несколько вариантов восстановления потерянной ориентировки».

Раздался зуммер полевого телефона. Трубку поднял Никандрыч.

– Да, да, готовимся. Вылетает Покрышкин, – ответил он. Потом протянул трубку Покрышкину:

– Тебя. С тобой хочет говорить командир дивизии.

Саша взял трубку. Сквозь шелест и треск отчетливо послышался высокий голос генерал-майора Осипенко.

– Покрышкин, надо найти танки! – Генерал больше просил, чем приказывал, и это было на него совершенно не похоже. Давно ли он разносил в пух и прах всех, кто ему попадался под горячую руку? Особенно от него доставалось Морозову, Покрышкину и Колесникову, часто в спорах отстаивавшим свое мнение. Покрышкина в начале июля сорок первого он снял с должности заместителя командира эскадрильи и пригрозил, что не даст ему ни одной награды, пока он, Осипенко, будет командовать дивизией. И ведь правда не дал, хотя Саша к ноябрю сорок второго сбил около десятка немецких самолетов, да и других боевых дел совершил немало. Видно, здорово его припекло, раз так заговорил.

– Понял, Покрышкин, надо найти танки! – повторил Осипенко, полагая, что так летчик проникнется важностью предстоящего задания. Чувствуя, что слов «надо найти» недостаточно, он продолжил: – Мы сегодня уже потеряли два «И-16» в этом поиске. Они не возвратились. Знаешь, зачем я говорю тебе об этом?

– Знаю. Я должен возвратиться, товарищ комдив.

– И с данными.

– Есть, вернуться с данными.

– Посмотри на Чалтырь. Там наши окружили вражеские войска. Но главное – танки!

– Есть, главное – танки!

– Найдешь, представим тебя к ордену!

– Задание будет выполнено, товарищ генерал!

Покрышкин положил трубку, повернулся и, увидев стоявшего у двери землянки специалиста по метеорологическому обеспечению боевой работы Кузьмина, шагнул к нему.

– Какая сейчас погода и что ты ожидаешь там? Как с запасным аэродромом? – быстро спросил он.

– Погода плохая, – заторопился Кузьмин, – полная облачность, туман с моросью, горизонтальная видимость в пределах 300-500 метров. Ветер переменный, 3-4 метра в секунду, температура воздуха – плюс два! Такая погода занимает большой район, о запасном аэродроме не может быть и речи. Надо идти только домой.

– Шарик запускал? Какая нижняя сейчас?

– Запускал, запускал перед тем, как шел сюда на доклад. Нижняя у нас 35-40 метров. Кузьмин виновато опустил глаза, зная, что летчики часто ругают метеорологов за плохие прогнозы.

– Следи за погодой. Понял?

Взяв со стола карту, Покрышкин стремительно вышел из землянки.

Его «МиГ-3» был уже готов к вылету. Техник Гриша Чувашкин даже прогрел мотор. Покрышкин по привычке обошел самолет, осмотрел крепление стоек шасси, потрогал концы крыльев, слегка покачал киль, затем энергично поднялся на крыло, надел парашют и легко бросил тело в кабину.

Через минуту послышался басовитый рев мотора. Прогнав его несколько раз на высоких оборотах и убедившись, что он работает нормально, Покрышкин взлетел.

Почти сразу исчезла видимость. Кузьмин был прав, облачность на указанной высоте, горизонт закрыт, видимость – только перед самолетом.

Он решил строго придерживаться намеченных ориентиров. Только бы не сбиться. Пронеслась станица Богаевская, от нее дорога на Новочеркасск, затем должна быть речка. Где же она? Ага, вот и речка, за ней Чалтырь.

Вот Чалтырь – но что это? По дороге к поселку спокойно движутся немецкие мотоциклисты. Если город окружен, то вокруг него должны быть наши войска? Но пока видны только немцы.

Покрышкин снизился еще – кажется, если бы были выпущены шасси, он бы ударил по головам мотоциклистов. Проскочил Чалтырь, на его южной окраине заметил танки. «Чьи это? Наши? И так много? У наших до сих пор столько не было. Надо подойти ближе».

Легкий доворот, и вот отчетливо видны белые кресты на башнях. На западной окраине Чалтыря их собралось более десятка. «Видимо, это танки из группы Клейста. Но кто же в самом Чалтыре?».

Еще один заход, теперь с другой стороны поселка. По курсу стремительно проносятся пустынные дворы и улочки. «Ага, теперь отчетливо видно, как из домов и траншей ведется огонь в сторону немцев. Значит, в Чалтыре окружены войска, а в штабе армии думают... Необходимо срочно вернуться и предупредить».

Без особых затруднений, по старому маршруту, он вернулся на свой аэродром и сразу доложил в штаб дивизии об обстановке в Чалтыре. Дежурный не поверил, предположив, что Покрышкин ошибся. «Пошлите другого летчика, и все сразу станет ясным», – предложил Александр. Вылетевший вслед за ним летчик подтвердил его данные.

Пока заправляли самолет, Покрышкина опять вызвал командир дивизии и потребовал во что бы то ни стало найти танки.

Саша вылетел вновь. Теперь он решил искать в других местах – у лесополос и проселочных дорог.

К вечеру погода стала ухудшаться. В воздухе замелькали снежинки. За линией фронта он снизился до предела. Вот дымчатым пунктиром мелькнула дорога, размытыми тенями пробежали деревья, телеграфные столбы, дома... «Надо уходить на запад от Новочеркасска».

Навстречу понеслись редкие, но крупные снежинки. Вот где пригодился опыт полетов на бреющем, который он отрабатывал до войны, перегоняя в летний лагерь собранные в Бельцах «МиГи».

«Что это? Что за черный вал несется навстречу? Фу-у... отлегло от сердца. Это мелкая речушка. Вода на фоне запорошенной снегом степи показалась выпуклым, черным валом! Однако никаких следов танков не видно, а горючее уже кончается. Неужели их здесь нет?! Неужели не оправдаю доверия и не найду их? А если они здесь где-то спрятаны и завтра из этого района нанесут удар по нашим войскам? Что скажут тогда командиры и боевые

товарищи? Нет, надо осматривать квадрат за квадратом. Еще один, и тогда пойду домой. В крайнем случае полечу еще раз».

И в это мгновение чуть правее по курсу, в стороне от грунтовой, слегка запорошенной снегом дороги, он увидел на стерне ровные параллельные полосы, которые вели к лесополосе. Такие следы остаются только от гусениц танков.

Проскочив лесополосу, он развернулся и наконец отчетливо увидел их: вот они, стоят в кустарнике, в три ряда, плотно прижавшись друг к другу, машин двести... Танки Клейста! Экипажи, черные, как жуки, уверенные, что в такую погоду им нечего опасаться, развели костры. Увидев звезды на крыльях истребителя, с грохотом пронесшегося над самыми их головами, они с перепугу бросились в разные стороны: кто в кусты, кто под защиту брони.

Пролетев над танками, Покрышкин развернулся, намереваясь еще раз пройти над группой, чтобы привязать ее местонахождение к карте и заодно посчитать, сколько же танков прячется в этой ложине. Но пока он маневрировал, немцы опомнились и теперь встретили его таким плотным огнем «эрликонов», что ему пришлось срочно нырять в облака и отваливать в сторону. От разрывов зенитных снарядов облака светились, как от грозových молний.

«Нашел! Нашел! – Все пело и ликовало внутри. – Задание выполнено – танки в районе Каменного Брода. Теперь они никуда не денутся. Завтра полетит кто-нибудь другой и уточнит, куда они двинутся», – шептал он, направляясь на свой аэродром.

Домой он добрался быстро – ориентиры, которые он запоминал перед вылетом, не подвели. Быстро зарулив на стоянку, он бегом направился на КП. Первым у входа в землянку ему встретился Кузьмин.

– Как погода? – спросил метеоролог.

– Погода была твоя – как сказал, так и было. Понял?!

И весело хлопнув его по плечу, Покрышкин шагнул в дверь землянки.

– Нашел? – Иванов медленно подымался из-за стола.

– Нашел, товарищ командир! – радостно выкрикнул Покрышкин.

– Ну слава богу! А то мы уже извелись тут. Полетное время подошло к концу, а тебя все нет и нет!

Иванов улыбнулся своей открытой, доброй улыбкой, а вместе с ним улыбались и все присутствующие. Комполка с облегчением опустил на свою табуретку.

Связистка Валя быстро соединилась со штабом дивизии, и летчик коротко доложил: квадрат местонахождения танков и приблизительное их количество. Осипенко поблагодарил. Потом об этой находке в штабе дивизии говорили целую неделю.

А Клейсту так и не удалось тогда нанести по нашим войскам внезапный удар. При выдвижении он был встречен мощным огнем противотанковой артиллерии и, хотя и взял Ростов, но ненадолго. Через несколько дней Красная Армия вновь овладела городом. Покрышкин радовался: его данные помогли наземным частям заблаговременно подготовить противотанковую оборону и в конечном счете выиграть сражение.

Конечно, всего этого Борманову он рассказывать не стал. Отделался короткими односложными ответами, чтобы командир дивизии не подумал, что он хвастает.

5

Меж тем Борманов, потолковав с летчиками еще несколько минут, вдруг переменял тему и заговорил с самым серьезным видом.

– Войска Северо-Кавказского фронта сломали оборону немцев на Тереке и начали наступление с целью освободить Таманский полуостров. Противник стремится не только его удержать и ликвидировать наш плацдарм в районе Мысхако, но сравнительно малыми силами – войсками семнадцатой армии сковать крупные соединения войск нашего фронта и не допустить их переброску в район Курска.

Вот такой расклад, товарищи. Немцы рассчитывают сорвать наступление советских войск с помощью авиации. С этой целью на аэродромах Таманского полуострова и в Крыму они сосредоточили около тысячи самолетов. Кроме того, около двухсот немецких бомбардировщиков базируются на аэродромах Донбасса и юга Украины.

Дав летчикам возможность осознать услышанное, Борманов, остро поглядывая на них глубоко посаженными глазами, продолжил:

– Завтра вы вступаете в бой. Будете прикрывать наземные войска. Учтите: бои идут упорные. У немцев опытные летчики из эскадр «Удет», «Бриллиантовая» и «Мельдерс». Помимо «мессершмиттов» они используют новый истребитель «Фокке-Вульф-190». Наши летчики зарекомендовали себя хорошо. В прошлом месяце 216-я дивизия провела пятьдесят один воздушный бой и сбила шестьдесят пять немецких самолетов. В апреле я ожидаю, что бои будут еще более ожесточенные. Многое будет зависеть от вас, от того, насколько умело вы сумеете применить новую технику. Опыт воздушных боев у вас есть, традиции у полка неплохие.

Комдив вновь сделал паузу и с еще большим нажимом закончил:

– Прошу учесть: с завтрашнего дня я – на переднем крае, на станции радионаведения в районе Абинский. Мой позывной – Тигр. Оттуда буду наблюдать каждый ваш вылет и буду оказывать вам помощь. Помните об этом и знайте: колебаний, нерешительности – не потерплю! Увидел противника – атакуй! Атаковал – бей наверняка! Сбил – доложи. Не сбил – тоже честно доложи! Понятно? Все! Практические указания получите от командира своего полка. Желаю удачи, товарищи!

Генерал встал. Все летчики тоже вскочили со своих мест. Еще раз внимательно оглядев всех, он поднес руку к козырьку выгоревшей на солнце фуражки и быстрым шагом направился к выходу из барака. Пару минут спустя послышалось удалявшееся тарыхтение мотоцикла. Все облегченно вздохнули.

Тут поднялся и представился незнакомый капитан. Оказалось, что это начальник разведотдела 216-й авиадивизии Новицкий. Он тоже решил ознакомить летчиков с обстановкой в районе предстоящих боевых действий.

Из его сообщения следовало, что немцы на главном направлении превосходили русских по численности самолетов вдвое, к тому же они недавно получили новые модификации «мессершмитта».

После сообщения Новицкого в бараке воцарилось напряженное молчание. Летчики-фронтовики прекрасно понимали, что их ожидает.

– Товарищ капитан! – не сдержавшись, поднялся Покрышкин. – Вот вы сообщили нам о мощной группировке противника на главном направлении. А мы, имея менее тысячи самолетов, зачем-то разделили их на несколько авиационных соединений. Правильно ли это? Ведь протяженность фронта здесь небольшая.

– На этот вопрос я вам ответить не могу. Все действия координирует командование ВВС фронта, – выкрутился капитан от неприятного вопроса.

– Понятно! Мы координируем с начала войны, а немцы нас били по частям и гнали до Волги. Потом мы поумнели и создали воздушные армии. А здесь, на Кубани, что? Опять повторение прошлого? Штабов много, а самолетов мало!

– Покрышкин, прекрати задавать глупые вопросы! – оборвал Александра комполка. – Садись!

«Когда же начальники поумнеют и перестанут использовать авиацию разрозненно, – удрученно размышлял Покрышкин, не замечая, что совещание уже закончилось и все занялись своими делами. – Опять придется воевать «растопыренными пальцами», а не «кулаком», как это было в Сталинграде, и, видимо, рассчитывать на себя».

6

Весь оставшийся вечер Покрышкин провел в беседах с летчиками 45-го истребительного полка Дзусова, занявшими нижний ярус наскоро сбитых нар в бараке. В августе сорок второго шестнадцатый гвардейский передавал дзусовцам свои самолеты перед уходом на отдых, поэтому летчики хорошо знали друг друга.

Из рассказов Бориса Глинки, Николая Левицкого он узнал, что немцы часто стремительно наращивают в бою свои силы и таким образом добиваются в схватках количественного преимущества. Нередко они пытаются оттянуть наших в глубь своей территории, для чего высылают в качестве приманки двух-трех истребителей; пробуют фрицы завлечь наших на высоту до семи тысяч метров, где хорошо чувствуют себя «фоккеры» и опасно для летчика кислородное голодание; группы бомбардировщиков всегда прикрывают истребители сопровождения.

Несколько дней назад нашими летчиками был сбит немец, опустившийся на парашюте на нашу территорию. На допросе он показал, что на Кубань переброшены летные группы из Африки и из-под Харькова, все опытные бойцы. Новые модификации «мессершмитта» имеют более мощные моторы и сильное вооружение. За ними трудно угнаться на пикировании, и горку они берут выше. Появилась у немцев новая машина – двухмоторный бронированный штурмовик «Хеншель-129», вооруженный пушками. Очень опасная штука при атаке в лоб.

От друзей он также узнал, что на Кубани 4-й воздушной армией, в которую влился их 16-й полк, командует хорошо знакомый ему генерал-майор Науменко, 5-й армией – генерал-лейтенант Горюнов. Общее командование ВВС фронта осуществляет генерал-лейтенант Вершинин, которого он также знал с 1942 года.

Вернувшись на свою постель, Покрышкин достал свой походный альбом, в котором с конца сорок первого года графически изображал фигуры пилотажа, производил расчеты, осмысливая то, что совершал во время воздушных боев. «Так, говорите, у них высокая скорость, – тихо шептал он, удобно усевшись на своем топчане. – Развивать скорость можем и мы, но не столько за счет мощности мотора, сколько за счет высоты. Тогда ни один «мессер» не уйдет. Завтра же надо показать новую тактику, которую наш полк опробовал на «Як-1».

Он вспомнил, как в июле сорок второго, под Ростовом, их восьмерка получила задание прикрыть отступающие войска. Тут же на песке перед своим самолетом он начертил схему и разъяснил летчикам: пойдём двумя четверками, одна над другой. Нижнюю, ударную, в составе Бережного, Вербицкого, Мочал ова ведет он. Верхнюю, прикрывающую, в составе Труда, Федорова, Искрина ведет Науменко. Превышение прикрывающей над ударной – пятьсот метров.

Они встретились тогда с тремя десятками «юнкерсов», которых прикрывали десять «мессершмиттов». Четверка Науменко с ходу сбила два «мессера», а остальных увлекла за собой на солнце. В это время четверка Покрышкина подожгла три бомбардировщика «Ю-88». Другие побросали бомбы куда попало и повернули домой. Все произошло буквально в несколько минут.

Следующий вылет договорились строить так: внизу идут наши бомбардировщики или штурмовики, второй эшелон занимают истребители непосредственного прикрытия, которые летят парами с превышением друг над другом, и выше всех следует скользящая группа из одной или двух пар. Главное при таком порядке – строго соблюдать высоту между «этажами». Именно высота позволяла обеспечить четкое взаимодействие между парами, свободу из маневра и точность стрельбы всей группы.

Новое прививалось нелегко. В первом же бою под Изюмом сковывающая группа «Яков» Федорова ушла за облака и там осталась, а Покрышкину с Бережным, как прикрывающим, пришлось метаться с одного фланга на другой, отражая атаки «мессершмиттов» против наших «Су-2». Сколько с него сошло потов, пока, изловчившись, он, наконец, сбил ведущего немецкой группы, и остальные «мессеры» сразу отвалили.

Потом, на аэродроме, с эскадрилей состоялся жесткий разговор. «Неправильно оценил обстановку и принял неверное решение! – глядя в упор в глаза Аркадию Фадееву стальным, немигающим взглядом, выговаривал Покрышкин. – Вы не имели права отрываться от группы «Су-2». Теперь мне понятно, почему несут потери «Илы», когда вы их сопровождаете... Как командир эскадрильи, требую строгого выполнения поставленной мною задачи, быть в боевом порядке на своем месте... Если впредь кто-то уйдет со своего места прикрывания, я его расстреляю собственными руками. Отвечу за это, но расстреляю, как предателя! Понятно?»

Постепенно, в ходе налетов на Изюм, Сватово, Старобельск, «этажерка» прижилась, и весь полк начал применять этот боевой порядок. Как ни странно, легко и быстро его усваивали новички, гораздо труднее ветераны, привыкшие к своим приемам в бою. Потерь среди прикрываемых полком штурмовиков и бомбардировщиков практически не было.

«Что ж, завтра предстоит применить нашу испытанную в боях тактику, – продолжал размышлять он. – «Кобра» по мощности мотора и вооружения неплоха, но она все-таки тяжеловата. Следовательно, нужно рассчитывать на конструктивные недостатки «мессершмитта».

Память тут же услужливо подсказала – лето сорок второго. Иванов вырвал его из череды непрерывных, изматывающих до невозможности боевых вылетов и направил в группу генерала Науменко для изучения трофейных «мессершмиттов». Надеясь хоть немного отдохнуть, он охотно согласился. К тому же интересно было изучить машину, с которой постоянно встречаешься в боях.

И вот он в кабине немецкого истребителя. Сразу решил, что будет работать за двоих, – за себя и за немецкого пилота, нападающего на русского летчика или пытающегося ускользнуть от его атак.

«Мессершмитт» вел себя нормально, если не считать, что его заносило при взлете из-за очень близко расположенных друг к другу шасси. Набрав высоту, Саша начал переключать машину из одного виража в другой, делал боевые развороты, разгонял на горке, потом шел на восходящие спирали и бочки.

Один недостаток он выявил быстро – «мессер» плохо выходил из иммельмана. Но вот другой – чуть его не угробил.

Он ввел машину в вертикальное пикирование, набрал максимальную скорость. Через секунду решил – пора выводить. Резко налег на ручку управления. Никакой реакции! Машина продолжала нестись к земле. Высота стремительно таяла. Он продолжал со всех сил тянуть ручку на себя. Одна секунда, вторая... Наконец, нехотя, самолет стал заирать нос. От сердца отлегло. Вывести его в горизонтальный полет удалось буквально у самой земли.

После посадки Саша обстоятельно продумал свои действия. Получалось – все делал правильно, ошибок не совершал. С утра он опять ушел в зону и, набрав для предосторожности большую высоту, вновь повторил пикирование. И снова самолет вышел из него с трудом. И так еще несколько раз. Результат тот же.

«Мессершмитт» явно вел себя «дубово».

Вечером он разработал приемы для использования слабостей немецкого истребителя в воздушном бою.

«Все это, конечно, хорошо, но как воспримут мои предложения в новой дивизии? Что скажет командование? О Борманове говорят, как о новаторе, энтузиасте применения радиосвязи в авиации. Может, он поддержит?» – продолжал размышлять Александр.

Командир дивизии ему понравился: сразу видно, что разбирается в людях и ценит летчиков. Но поймет ли он его? Хотелось подойти к нему и просто поговорить по душам, рассказать о наблевшем и получить в ответ поддержку своим мыслям.

Покрышкин боялся показаться смешным и навязчивым со своими схемами. Скажут – что за птица? Какой-то капитан будет тут перестраивать тактику истребительной авиации, учить нас.

«Ладно, – решил он, укладываясь на жестком соломенном матрасе. – Завтра в бою буду действовать, как решил, а там посмотрим». С этим и заснул.

7

День только начинался. От Кубани поднималась парная теплота. Поблескивала роса. Степь вокруг аэродрома казалась пышнее, нежели днем, во время зноя, когда листья начинают сворачиваться и от того кажутся острее.

Неспешно прохаживаясь перед летчиками, построившимися в шеренгу возле командного пункта, командир полка майор Исаев разъяснял, каким образом полку предстоит изучать район будущих боевых действий.

– Линия фронта проходит по рекам Курка, Кубань, Вторая Псиж, – толковал майор, – потом через балку Адамовича к Станичке и западным скатам Мысхако. Все эскадрильи должны совместной группой вылететь на облет переднего края, и поведет ее кто-то из командиров соседнего, сорок пятого полка, возможно, сам подполковник Дзусов.

Покрышкин тут же представил себе экскурсию, участники которой сгрудятся у переднего края и будут внимательно его изучать. И достаточно внезапно появиться паре «мессеров», как вся эта затея обернется потерями. «А не лучше ли летать четверками и шестерками? При встрече с противником они будут более маневренными и боеспособными», – чуть не сорвалось у него с языка, но наученный горьким опытом своих прошлых отношений с Исаевым, он промолчал. Ведь командир полка опять может расценить его замечание как подрыв своего авторитета.

Уяснив поставленную задачу, летчики уже начали расходиться по своим самолетам, когда Исаев вдруг окликнул Покрышкина. Тот подошел.

– Из штаба дивизии поступило срочное указание – выслать шестерку истребителей на прикрытие Крымской. К ней могут подойти «юнкеры» с «мессершмиттами». Думаю отправить вашу эскадрилью.

– Есть!

– Справитесь? – Исаев имел в виду ориентировку над незнакомой местностью.

– Приказ будет выполнен, товарищ командир!

– Действуйте!

Направляясь к своим летчикам, Покрышкин подумал: «Исаев, наверное, не знает, что я до войны служил в Краснодаре и всю эту местность знаю, как свои пять пальцев. Ну и пусть не знает, может, это и к лучшему».

Пятерка летчиков из его эскадрильи уже догадалась, что им предстоит вылет на задание. Ожидая командира, они с серьезными лицами стояли в стороне от остальных.

– Значит, так: – Без лишних слов комэск начал предполетный инструктаж: – Получено срочное указание из штаба дивизии. Идем на прикрытие Крымской. Посмотрите на карту. – Летчики раскрыли планшеты и достали карты. Покрышкин указал на Крымскую: – Вот эта станица. К ней может подойти группа «юнкеров» под прикрытием «мессершмиттов». Пойдем нашим строем: я с Голубевым внизу, Паскеев с Козловым над нами. Мы – атакующая четверка. Речкалов со Степановым связывают истребителей. Понятно? – острым, лучистым взглядом окинул он их лица.

– Понятно, – за всех ответил Голубев, здоровяк, уверенно чувствующий себя в стихии воздушного боя и уже начавший проявлять нетерпение от излишне подробного, как ему казалось, инструктажа.

Но Покрышкин не спешил. Короткими фразами, словно забивая гвозди, он продолжил:

– В воздухе соблюдать дистанцию... Четко выполнять мои команды... Помните, о чем мы говорили на занятиях... о вертикали. Понятно?

– Понятно, – опять ответил Голубев, а смешливый Гриша Речкалов едва сдержал улыбку.

– Вопросов нет? Тогда по машинам!

Все они прекрасно понимали, о чем идет речь. От «ножниц», приема, который полк начал применять в сорок втором над Каховкой, было решено отказаться. Теперь противника надо было уничтожать внезапными, стремительными атаками, и строй «ножницы» для этого не годился. Покрышкин решил использовать «этажерку».

Состояла она из пары истребителей, расположенных друг над другом с превышением в несколько сот метров, но, в отличие от применяемой под Ростовом, со смещением в сторону солнца. При таком строе и запасе высоты от четырех до шести тысяч метров летчики не опасались никаких неожиданностей. Они прекрасно видели друг друга, и каждый обязан был следить за своим товарищем, защищать его в случае нападения противника сзади.

Большая помощь ожидалась от пункта наведения. Он вовремя должен указать, где находится противник, с тем чтобы ведущий группы мог быстро прикинуть тактическую схему предстоящего боя.

Значительное преимущество «кобр» перед «Яками», на которых они летали в сорок втором, заключалось в том, что американские самолеты были радиофицированы. Это позволяло летчикам поддерживать связь между собой и с землей. Соответственно, командир группы по ходу боя мог предупреждать подчиненных об опасности и вносить поправки в их действия.

На пункт наведения ВВС фронта, обосновавшийся в четырех километрах от передовой, на главном направлении удара сухопутных войск, западнее станицы Абинской, оперативная группа во главе с генерал-майором Бормановым прибыла около шести часов утра.

Участок с несколькими разбитыми строениями, выбранный вчера под пункт наблюдения самим генералом, практически уже был готов к работе. Проложена проводная связь, замаскирован около строения «Додж» с радиостанцией.

Через оперативную группу Борманова, а также штаб 4-й воздушной армии, ее командующий генерал-майор Науменко оценивал воздушную обстановку на Кубани, ставил задачи перед командирами авиационных подразделений, организовывал взаимодействие с зенитной артиллерией фронта.

Вообще-то место для наблюдения было не очень удачное. Небольшие бревенчатые постройки, разрушенные и частично сожженные, сиротливо стояли на холме, посреди голого поля. Одно из строений – коробка одноэтажного дома с чудом сохранившимися стропилами – было выбрано для укрытия. На стропила солдаты набросили брезент, и получилась крыша от дождя. В подвале можно было укрыться при артобстреле, который частенько случался, когда немцы пеленговали радиостанцию.

Сохранившиеся участки стены строения были густо покрыты щербинами от пуль и осколков. О том, что здесь была сильная перестрелка, свидетельствовали побитые вокруг дома кусты и выбоины на одиноком дереве, растущем неподалеку. Немцы, судя по всему, сопротивлялись отчаянно. Все окрест было забито сожженной, подбитой и просто брошенной немецкой техникой; убитые в различных позах валялись на дороге, ведущей в станицу Крымскую; еще вчера серые бугорки трупов виднелись повсюду на изрытом траншеями поле, местами уже покрытом зеленой травкой. Сегодня их убрали.

Среднего роста, с крупной седой головой, в своей неизменной походной фуфайке, подранной на плече осколком после одного из недавних минометных обстрелов, генерал расхаживал перед строением и нетерпеливо ожидал, когда связисты наладят связь.

Время от времени он подносил к глазам бинокль и быстро осматривал горизонт. Но причин для беспокойства пока не было. Вокруг было тихо, лишь вдалеке слышалась пушечная канонада.

Патрульная группа «лаггов», поблескивая серебристыми крыльями в лучах восходящего солнца, неспешно барражировала над передним краем.

Наконец, не выдержав, Борманов повернул к автомашине изрытое оспинами смуглое лицо, крикнул грубоватым голосом:

– Тищенко, долго вы там будете еще копать?

Из крытого тентом «Доджа» тотчас показался поджарый, в годах, майор с наушниками и микрофоном в руках, а вслед за ним молодой, подвижный, весь как на шарнирах, старший лейтенант с табуреткой в руках – адъютант генерала.

– Готово, товарищ генерал!

Тищенко подал генералу наушники и микрофон, а старший лейтенант поставил перед ним табуретку.

Борманов садиться не стал. Сняв фуфайку со словами: «Долго я в рваной одежде буду ходить», – он сунул ее адъютанту. Тот, молча приняв фуфайку, сразу же побежал к мотоциклу, где у него хранились все походные принадлежности.

Генерал надел наушники и только собрался вызвать КП Исаева, командира 16-го гвардейского истребительного полка, которому он отдал команду выслать для патрулирования шестерку истребителей, как сквозь небольшое потрескивание в наушниках послышалось:

– Тигр! Тигр! Я Покрышкин! Иду на работу! Как обстановка?

О своем подходе сообщал командир высланной Исаевым патрульной группы. Борманов вспомнил широкоплечего капитана с орденом Ленина на груди, с которым беседовал в бараке.

– Я Тигр! Обстановка пока спокойная. Будьте внимательны. Скоро должны появиться «юнкерсы», – ответил генерал и подумал: «Новенькие. Как-то они себя сегодня покажут», – по привычке посмотрел на часы: восемь часов тридцать минут. Потом стал всматриваться в небо.

Через минуту со стороны Новороссийска с превышением одна над другой в несколько сот метров показались шесть темных точек. Они стремительно шли к земле в пологом пикировании. Вот уже можно различить очертания «этажерки» из шести «аэрокобр». На высоте двух тысяч метров шестерка выровнялась, потом резко выполнила горку и растаяла в небе, в стороне от солнца. И лишь волна уходящего грохота работы шести двигателей напомнила о ее присутствии мгновение назад над передним краем, но вот и она постепенно стала затихать.

– Здорово, товарищ генерал! – в восторге воскликнул майор Тищенко. – Посмотрите, какой у них запас скорости за счет пологого пикирования! «Прочесали» квадрат и опять ушли на высоту. И смотрите – они двигаются с таким расчетом, что солнце все время находится под углом девяносто градусов к траектории их полета!

– Понятно! – отозвался Борманов. – Если «мессершмитты» попытаются их атаковать со стороны солнца, как они это любят обычно делать, им придется вести огонь под те же девяносто градусов или под ракурсом четыре четверти. При такой угловой скорости перемещения цели вероятность попадания сводится к нулю. Согласен! Согласен, очень даже неплохо придумано!

В это время в наушниках послышалась команда ведущего: «Разворот на сто восемьдесят». И маятник, набирая скорость, начал движение в обратную сторону.

Но что это? Не прошло и нескольких минут, а около десятка «мессершмиттов», вывалившихся из-за облаков, уже пикировали с высоты на безмятежно крутившую карусель четверку «лаггов».

Борманов схватился за микрофон, намереваясь поторопить патруль, но в наушниках уже послышалось: «Атакую! Речкалов, прикрывайте!»

«Кобра» в крутом пике стремительно сблизилась с ведущим немецкой группы. Сквозь вой моторов прорвался треск пушечной очереди, и красноносый истребитель свечой ушел

вверх. «Мессершмитт» вспыхнул, от него полетели по сторонам какие-то куски, а то, что осталось, с воем понеслось к земле, оставляя за собой черный дымный след.

Остальные «мессеры» шарахнулись в разные стороны. Одного тут же в упор расстрелял ведущий из пары прикрытия шестерки «кобр».

И все. Бой закончился в считанные минуты. Теперь о нем напоминал лишь медленно опускающийся на парашюте немецкий летчик из второго сбитого истребителя.

– Здорово! – выдохнул майор Тищенко, наблюдавший за всем происходящим в воздухе, затаив дыхание.

– Передай Исаеву мою благодарность летчикам за проведенный бой, – невозмутимо, словно ничего особенного и не произошло, приказал Борманов. – Ты кормить меня сегодня будешь? – не то шутя, не то серьезно обратился он к адъютанту, который успел уже зашить его фуфайку и, стоя с нею в руках, ожидал, когда комдив обратит на него внимание.

– Один момент, товарищ генерал! – И адъютант опять побежал к мотоциклу.

Меж тем в небе было все спокойно. Немецкие бомбардировщики не появлялись, вероятно, из-за того, что с утра их истребителям не удалось расчистить небо. Шестерка «кобр», то исчезая в небесной глубине, то возникая вновь, мерно раскачивалась, как на качелях, над заданным районом.

Позвонил командующий авиацией фронта генерал-лейтенант Вершинин и справился, как идут дела. Борманов коротко доложил, а на вопрос, «что за номера откалывают новенькие», ответил, что еще не разобрался и доложит обо всем позже, когда выяснит все детали. Его непосредственный начальник, командующий 4-й воздушной армией генерал-майор Науменко наблюдал за утренним боем со своего командного пункта. Покрышкина он хорошо знал еще с сорок второго года, когда шли жаркие бои на Дону, поэтому его новшество он воспринял спокойно, словно так и должно было быть.

8

Транспортный «Ю-52» заходил на посадку. Измученный многочасовой болтанкой на пути из авиационной базы истребительной авиации в Кракове на Восточный фронт, посадкой, инструктажем в штабе 52-й эскадры, потом опять полетом, лейтенант Ханс Иохим Биркнер наконец прибывал к месту своей службы – в 3-ю группу 52-й эскадры истребительной авиации рейха.

Третья группа базировалась на Тамани, в районе станицы Тимашевская. Перед взором Ханса открылась величественная панорама: огромный разлив Кубани. Река затопила все плавни, слилась с лиманами и речушками: казалось, что Азовское море подступает к самой Тимашевской.

Южнее, к Черному морю, в небо подымались высокие столбы дыма – там шли бои. В штабе эскадры Биркнеру объяснили, что немецкие войска отчаянно сражаются за Таманский полуостров, стратегически важный участок, что впереди его ожидают ожесточенные воздушные бои – истребители должны наглухо закрыть небо для советских бомбардировщиков. Русские значительно укрепили свои силы в последнее время, у них появились новые истребители, так что придется попотеть.

Самолет мягко коснулся земли. В иллюминаторе видны были рассредоточенные по полю «мессершмитты», чуть дальше два ряда аккуратных палаток для пилотов и технического состава. Едва Биркнер выбрался из транспортника, как к нему подошел адъютант командира группы обер-лейтенант Треппе и вежливо предложил пройти к командиру.

Через минуту они спустились в просторный бункер, освещенный маленькими лампочками от аккумуляторов. Из-за стола, сложенного из двух ящиков для бомб, поднялся высокий, небрежно одетый, черноволосый капитан с Рыцарским крестом на шее – Гюнтер Ралль, лучший снайпер в 52-й эскадре, опытный, толковый летчик. Справившись о здоровье молодого офицера, Ралль без лишних слов принялся его инструктировать:

– Запомни наши правила. Здесь значение имеют только воздушные победы, а не звания. На земле все легчики соблюдают субординацию и строгую воинскую дисциплину. Однако в воздухе все по-другому. Каждое звено ведет тот пилот, который имеет больше побед, который обладает большим опытом и умением. Эти правила соблюдают все без исключения, в том числе и я сам. Если я полечу с унтером, имеющим больше побед, то ведущим пары будет он.

В воздухе часто бывает, что с языка в напряженной обстановке срываются такие слова, которые старшему офицеру никто не осмелится повторить на земле. Во время боя это неизбежно. Однако все, что ты комментируешь в воздухе, следует немедленно забыть, как только ты приземлишься. Ты начнешь летать с унтер-офицером, он будет в воздухе твоим ведущим. И не дай бог, если я узнаю, что ты ослушался его приказа в воздухе только из-за разницы в званиях. Хорошенько запомни все это!

Вдруг ожил громкоговоритель, соединенный с рацией. «Мы возвращаемся! Потеряли двоих! Освободите полосу!»

– Это Крупински? – спросил, оборачиваясь, Ралль.

Только сейчас Биркнер заметил в глубине бункера у рации двух операторов.

– Так точно, господин капитан. Это Крупински, – ответил один из них, тот, что был в очках.

Ралль молчал. Треппе, не дожидаясь указаний командира, отправился на старт, чтобы предупредить дежурного.

Спустя некоторое время в бункер спустились два летчика – один высокий, черноволосый, с лицом боксера – командир 7-й эскадрильи обер-лейтенант Вальтер Крупински, сорви-

голова, отчаянный пьяница и первый бабник в 52-й эскадре. За ним следовал белокурый, спортивного сложения парень с мальчишеским лицом – лейтенант Эрих Хартманн.

Об этой паре уже начали говорить в группе. Крупински, по натуре смелый и энергичный, охотно ввязывался в любую воздушную драку, но он был неважным стрелком. Хартманн же, напротив, оказался природным снайпером. Обычно он держался недалеко от своего ведущего, и когда тот отваливал, в очередной раз промазав, Хартманн стремительно сближался и всаживал в жертву пушечную очередь.

– Кто сбит? – сразу спросил Ралль.

– Немитц!

– Вилли?! Не может быть! – Ралль не верил своим ушам. – Вилли Немитц сбивал англичан в сороковом году над Ла-Маншем, имел победы здесь, на Восточном фронте, опытейший летчик, награжденный Рыцарским крестом... Невероятно! Как это произошло?

– Ничего не могу понять, Гюнтер, – отвечал Крупински, и вид у него был, как у побитого пса. – Все случилось в одно мгновение. Я только успел заметить, как на горку свечой ушла «кобра», а наш Немитц уже горит. По всей вероятности, он сразу был убит, потому что на позывные не отвечал и не пытался покинуть машину с парашютом.

– А второй?

– Не видел. Кажется, Шмидт. Мы с Буби были вверху. Когда Немитц загорелся, все кинулись в разные стороны.

– Вы чтонибудь видели, Хартманн? – спросил Ралль.

Все повернулись к белокурому юноше.

– Они были выше нас, – забавно растягивая слова, начал докладывать Хартманн. – Пикировали не все. Одна пара осталась наверху для прикрытия. Она-то и сбита Шмидта, когда он метнулся вверх. Немитца атаковала «кобра» под номером 13 на большой скорости, поэтому предупредить его я не успел.

– Под номером 13, – задумчиво повторил Ралль. – У русских, если я не ошибаюсь, это число считается несчастливым. До сих пор этот номер нам не встречался, видимо, кто-то из новеньких. – Оператор! – резким голосом капитан окликнул дежурного радиста. – По эфиру проходили сегодня незнакомые нам фамилии?

– Были, господин капитан. – Радист торопливо заглянул в свой журнал: – Вот, нашел. Покрышкин, он, видимо, командир группы, и один из его летчиков – Речкалов.

В отряде был специально подготовленный радист со знанием русского языка, который, настроившись на волну русских летчиков, внимательно следил за их переговорами в воздухе. Вся собранная информация обобщалась и направлялась в штаб эскадры.

«Вероятно, – размышлял Ралль, – под номером тринадцать и летает этот Покрышкин».

– Вот что, Вальтер! – обратился он к Крупински. – Сейчас заправьтесь, подкрепитесь и поднимитесь с Хартманном в воздух. Осторожно пройдите над Крымской. Может, вам удастся встретить эту «кобру». Держитесь повыше, за облаками.

– Понятно, Гюнтер.

И оба летчика неспешно вышли из бункера. За ними направился и Биркнер, которому Ралль предложил устраиваться, познакомиться с людьми и осмотреться.

Когда Ханс поднялся наружу, Хартманн стоял невдалеке и о чем-то беседовал с коренастым техником – об этом можно было судить по замасленным штанам этого подвижного, улыбающегося человека. Увидев Биркнера, Хартманн хлопнул по плечу своего собеседника, бросив: «Подожди, Биммель, я сейчас», – быстро подошел к Хансу.

– Эрих Хартманн! – улыбаясь, представился он и протянул для пожатия руку.

– Ханс Биркнер.

– Новенький! – И, не дожидаясь ответа, спросил: – В какую тебя назначили эскадрилью?

– В седьмую.

– Отлично. Будем летать вместе. Вот что, проси, чтобы тебя определили ведомым к обер-фельдфебелю Паулю Россманну. Я у него учился. Отличный парень: добрый, веселый на земле и строгий, спокойный учитель в воздухе. Я у него многому научился.

Потом Хартманн поинтересовался новостями из Германии. Едва Ханс начал рассказывать, как Эриха позвали: надо было готовиться к очередному вылету. Договорились встретиться вечером, на всеобщей эскадрильной пьянке, где будут пить за упокой души Немитца.

Биркнер с завистью смотрел вслед Хартманну: такой молодой, а уже так уверенно себя ведет, видимо, имеет победы в воздухе. «Смогу ли я быть таким?» – подумал Ханс.

9

Эскадрилья Покрышкина, как обычно, стремительно зашла на посадку. Едва истребители зарулили на стоянку, как к ним бросились техники, оружейники, стали выстраиваться в очередь бензозаправщики, автомашины с боеприпасами для подготовки самолетов к очередному вылету. Обычная аэродромная жизнь в войну.

В сторонке Покрышкин приступил к разбору боевого вылета.

– Значит так! – начал комэск. – Дистанцию вы выдерживали строго, маневрировали хорошо, четко взаимодействовали. Сбили двоих – одного я, второго, – он взглянул на Речкалова и тот кивнул головой, – второго Речкалов. Для начала неплохо. Отдыхайте, а я пойду докладывать на КП.

Он надел свою примятую фуражку и только собрался идти, как к ним подошли летчики из соседнего полка, вылетавшие на прикрытие на «Лаггах» первыми, и, перебивая друг друга, оживленно заговорили:

– Ну спасибо, ребята, выручили...

– Здорово вы их атаковали, они, похоже, даже не поняли, откуда вы свалились...

– Да, – сокрушенно почесал затылок молоденький лейтенант, – если бы не вы, наделали бы гады дырок в моей машине...

– Поменьше летайте безобидной стайкой, не будет и дырок, – сказал лейтенанту Гриша Речкалов. Сняв шлемофон, он вытирал вспотевший лоб платком. Гимнастерка на его спине, впрочем, как и у всех из их пятерки, была в темных разводах пота.

– Да, ребята, – поддержал Речкалова Покрышкин, – ваша тактика себя уже изжила. Теперь надо воевать по-новому.

– Как это по-новому, товарищ капитан? – спросил его молоденький лейтенант.

– Гвардии капитан! – вставил острый на язык Речкалов.

Лейтенант смутился. Присмотревшись, Покрышкин узнал его – это был тот лейтенант, с которым они вместе подстригались в Краснодаре.

– А вот так, – начал Александр, но закончить свою мысль не успел.

– Ты что же это, чертяка, – захохотал кто-то невдалеке, с характерным волжским оканьем, – пока мы плаваем по морям и болотам, ты здесь фрицев крошишь?

Энергично размахивая руками, широким шагом к ним приближался русоволосый гигант с развевающейся рыжей бородой. За ним торопливо семенил невысокий, коренастый майор. Схватив Покрышкина в свои могучие объятия и несколько раз стиснув, здоровяк воскликнул, да так, что его, наверное, услышали на другом конце аэродрома:

– Сашка! Слышал я, ты по-новому, по-нашему действовал!

– Да, Вадим, как было заранее оговорено, – сдержанно, даже несколько застенчиво от столь бурного проявления дружеских чувств на людях, ответил Покрышкин.

– Поздравляю! Кто воюет по-старому, тот одни дырки привозит. Верно я говорю? – неожиданно обратился гигант к молодому лейтенанту, во все глаза рассматривающему эту необычную фигуру среди невысоких летчиков. И было непонятно, спрашивает он всерьез, или насмешничает.

– Верно, – неуверенно ответил лейтенант, на всякий случай отодвигаясь от незнакомца за спины товарищей.

Подошел невысокий майор.

– Хорошо начали! – радостно заговорил он, пожимая всем руки. – Звонил комдив, просил передать, что доволен вашей работой.

Это был штурман полка Пал Палыч Крюков, один из немногих оставшихся в живых, с кем Покрышкин встретил войну в Молдавии. Его все уважали в полку не только за боевые заслуги, но и за спокойный, уравновешенный характер и даже за манеру держаться с людьми.

– Пошли на КП! – предложил гигант и, обхватив Покрышкина за плечи, увлек за собой.

Это был Вадим Фадеев, приятель Покрышкина, командир той третьей эскадрильи, которая сбилась с курса и вот, наконец, прилетела в Краснодар.

Познакомились они в январе 1942 года в Донбассе. Тогда стояли на редкость крепкие морозы, кабины на «И-16» не обогревались, и летчики отчаянно мерзли.

Как-то на их аэродроме приземлился «ишачок» из соседнего полка и подрулил прямо к землянке, где отдыхал летный состав. Из кабины истребителя вылез здоровенный, широкоплечий детина с черным от холода лицом и рыжей бородой. Первое, о чем сразу подумали высыпавшие из землянки летчики – как такой гигант смог уместиться в маленькой кабине «И-16»-го? Но здоровяка это обстоятельство совершенно не смущало.

Окинув взглядом собравшихся, с любопытством взиравших на его появление, незнакомец улыбнулся, поднял в приветствии руку и пророкотал звучным басом: «Привет героическому воинству!» Потом подошел к стоявшему с краю Покрышкину, протянул ему свою широченную ладонь, стиснул, словно тисками, протянутую в ответ, и представился: «Сержант Фадеев». Услышав: «Покрышкин», – тут же прокомментировал: «А, Покрышкин! Знаем... Как же, газеты читаем».

По всему чувствовалось, что этот парень знал себе цену и его не смущала разница ни в возрасте, ни в званиях. Говоря о газетах, он имел в виду публикации в фронтовых выпусках местных газет, в которых неоднократно сообщалось о героических делах летчиков 16-го авиаполка. О самом Фадееве в дивизии тоже много чего знали, даже слагали о нем легенды. Рассказывали, как в начале войны в Молдавии на своем «И-16» он уничтожил целую колонну румынских кавалеристов. Сначала стрелял по ним из пулеметов, а потом снизился до брьющего и стал рубить их винтом самолета. От рева мотора лошади буквально взбесились, перестали повиноваться, и колонна разбежалась в разные стороны.

А уже этой зимой под Таганрогом, совершив вынужденную посадку на нейтральной полосе перед нашим передним краем, он ухитрился поднять пехотинцев в атаку, и они захватили стратегически важную высоту и одновременно его самолет. Пока начальство разбиралось, кто это организовал наступление, Фадеев успел отбуксировать свой самолет за линию фронта, подлатать его и улететь. Было и многое другое.

На этот раз на аэродром 16-го авиаполка он сел вынужденно. После воздушного боя в баках закончилось горючее. Пока техники заправляли его самолет, подошло время ужина, и вместе со всеми Фадеев отправился в столовую.

В столовой Вадим снял меховой комбинезон, и все увидели на его груди новенький орден Красного Знамени. В первые годы войны, во время отступления, боевыми орденами в Красной Армии награждали редко, и такой орден на груди летчика вызвал у всех невольное уважение. Усевшись за столик, Фадеев тут же достал из кармана гимнастерки какую-то бумажку и аккуратно положил ее перед собой. Покрышкин взял ее и прочитал вслух: «Сержанту Вадиму Фадееву во всех БАО отпускать по две порции питания. С. Красовский». Записку выдал сам командующий армией. Габариты этого летчика были столь велики, что ему требовался двойной продовольственный паек и индивидуальный пошив одежды и обуви. Никакое готовое обмундирование ему не годилось.

Вторично они встретились в конце июля сорок второго года в Дагестане. Тогда командованием воздушной армии было принято решение вывести 16-й гвардейский истребительный полк на отдых, переформирование и прием новых самолетов. Старые в городке Тула-тово были переданы в полк Дзусова, а личный состав полка на грузовых машинах двинулся на юг, в район Баку.

Старенький «ЗИС-5», на котором ехала эскадрилья Покрышкина, миновав город Дербент, потерял управление, и летчикам, чтобы не свалиться со злосчастным грузовиком и его неопытным водителем в пропасть, пришлось выпрыгивать из него на ходу. При этом серьезно пострадали комиссар полка Погребной, летчики Федоров и Шульга.

Раненых привезли в госпиталь городка Белиджи, где после ранения поправлялся Фадеев. Покрышкин, совершенно случайно увидев его в госпитале и узнав, что он практически здоров и через пару дней должен отправиться в Баку, где в то время собирались все «безлошадные», тут же предложил ему перейти в свой полк. Фадеев не колебался, ведь у него появилась возможность попасть в гвардейский полк, где к тому же его уже знали. Александр тут же представил Вадима командиру полка Исаеву, заверил, что тот отличный боевой летчик, и вопрос был решен положительно.

Позже они подружились. И не удивительно: слишком много у них было общего. Оба беззаветно любили авиацию, были храбрые, физически сильные, предпочитали резко пилотировать. Понимая друг друга с полуслова, они охотно общались в свободное от службы время.

– Ну как было дело, Саша?

Фадееву не терпелось самому поскорее ринуться в бой.

– Понимаешь, Вадим, – охотно откликнулся Александр, – вначале все шло нормально. Немцы нас не видели, увлеклись «лаггами». Пилот, которого я атаковал, среагировал с опозданием на полсекунды. Этого оказалось достаточно, чтобы его срубить одной очередью, в упор...

– Понятно... «Соколиный удар»...

– Точно, «соколиный удар». Это хорошо. Но дальше со мной произошла досадная неприятность. Слишком резко переломив машину из-за опасности прямого столкновения с горящим «мессером», я на какое-то мгновение потерял сознание от большой перегрузки. Пришел в себя, смотрю – немцы врассыпную, горит уже второй. Позже выяснилось, его Речкалов подбил. И тут мне в голову пришла мысль – а скоростью тоже надо управлять с толком.

– Не понял?

– Понимаешь, скорость нужна при поиске врага и для занятия выгодного исходного положения перед боевым маневром. А в ходе самой схватки сильно разогнаться опасно. Твой избыток скорости немец может использовать в своих интересах. Приглушит резко двигатель, вынудит тебя проскочить мимо, окажется у тебя в хвосте и займет выгодную для атаки позицию. Понял?

– Теперь понял. Мысль дельная. Нужно это учесть. Однако идем на КП, там тебя уже Исаев дожидается.

По дороге на КП их остановил незнакомый капитан.

– Заместитель командира 267-го истребительного полка капитан Исаенко, – козырнув, представился незнакомец. – Прибыл для согласования совместных действий в воздухе. Мы тоже стоим здесь, в Краснодаре.

Покрышкин молча пожал плечами, что означало: «Вместе, так вместе», но вслух сказал:

– Моя группа вылетает через тридцать минут.

Он хотел идти дальше, но тут в разговор включился Фадеев:

– Говорят, у вас «лагги», словно куропатки, над самой землей летают. При таких условиях нам трудно будет взаимодействовать, капитан!

Старшего лейтенанта Фадеева, кажется, совершенно не смущало, что он разговаривает с офицером, старшим его по должности и званию, и что его тон может задевать самолюбие этого офицера.

– Опыта у вас, по слухам, больше, чем у нас, – сдержанно ответил Исаенко. – Да и самолеты в вашем полку, говорят, высший класс. Вот и просим прикрыть в случае чего.

Покрышкин недоверчиво посмотрел на Исаенко: уж не разыгрывать ли надумал их этот капитан. Но нет, выражение лица заместителя командира полка было серьезным. Ему было не до розыгрышей. Он понимал, что этот бородатый самоуверенный старший лейтенант был действительно прав, летали они низко, но что поделаешь – командование требовало придерживаться высоты немецких бомбардировщиков.

– Ладно, прикроем, – скороговоркой бросил Покрышкин, давая понять, что разговор окончен, и они разошлись.

Действительно, когда час спустя «лагги» схлестнулись с «мессершмиттами» в лобовой атаке, шестерка «кобр» ударом сверху сбила двоих, развеяв напрочь воинственный пыл немцев. Вслед им летчики Исаенко тоже сбили одного «худого».

После вылета заместитель командира полка вновь пришел на стоянку 1-й эскадрильи обменяться впечатлениями и поблагодарить за помощь в бою. Покрышкин готовился к очередному, четвертому за этот день боевому вылету.

– А ребята у вас ничего, не из робкого десятка, – заметил он. – Только не пойму: чего вы к земле все время жметесь? В облака попадешь – не убьешься. Слыхал такое присловие, капитан?

– Хорошо тебе рассуждать. Послушал бы ты, что говорит мое начальство, – удрученно возразил Исаенко.

– Ладно, позже потолкуем, – улыбнулся неожиданно доброй улыбкой Покрышкин. – А сейчас извини, некогда. Ты, это, заходи вечером в общежитие...

Они разговаривали, а в это время посадку производила группа, посланная Исаевым на облет переднего края. Покрышкин посчитал – одного самолета не хватало.

Перед вылетом взволнованный Фадеев прибежал к нему на стоянку.

– Саша! Посмотри, что они делают!.. Четырнадцать самолетов вылетают одновременно утюжить небо! Они же столкнутся между собой!

– Это будет еще полбеда, Вадим! Вот если встретятся им «мессы», тогда жди неприятностей... Эта идиотская затея Исаева может нам дорого обойтись...

– Нет, пусть меня отдадут под суд, но я с ним не полечу! Это же явная глупость! – твердо заявил Фадеев.

Молодец, Вадим, добился своего, не полетел, и вот теперь полк вернулся без одного боевого товарища.

Подошли прибывшие летчики и рассказали, как было дело. Их группа неспешно барражировала под облаками на одной высоте. Внезапно из-за облаков выскочила пара «мессершмиттов» и, снайперской очередью сбив «кобру», тотчас опять нырнула в облака, оторвавшись от преследования. Летчику, правда, удалось выпрыгнуть, но новый самолет был потерян.

Больше происшествий в этот день не было. Правда, в бараке, где отдыхал летный состав, около двух часов ночи раздался страшный грохот. Спросонья летчики схватились за одежду, полагая, что это воздушный налет. Когда зажгли свет, увидели, что тонкие стойки нар, как и опасались гвардейцы, не выдержали стокилограммового Фадеева. Весь верхний ярус с шумом обвалился.

Спящий Вадим свалился на своего соседа снизу, летчика 45-го полка Дмитрия Глинку, но оба так устали, что даже не проснулись. Уставшие, они не видели прелести степи, когда над ней, как запоздалый патрульный, появился оранжевый круг, и лунный свет постепенно накрыл обширные пространства кустов и трав бледным лучистым сиянием.

10

После ужина все летчики 3-й группы 52-й эскадры люфтваффе потянулись к палатке, оборудованной под бар, – по традиции предстояло выпить за упокой души Немитца, сбитого русскими над Крымской сегодня утром. Возбуждение от полетов спало, все выглядели уставшими, ко всему безразличными. Исключение составлял никогда не унывающий Пауль Россмманн. Он уже травил кому-то из летчиков очередной анекдот. Но вот и он притих. Командир группы Гюнтер Ралль произнес короткую прощальную речь, и все подняли свою рюмки со шнапсом.

Минут тридцать спустя Хартманн вместе с вновь прибывшим Биркнером отошли в сторонку. Хартманн, неряшливо одетый, в замызганной, помятой фуражке был полной противоположностью чистенькому, аккуратному Биркнеру.

– Ну как, договорился? К кому тебя определили? – по привычке растягивая слова, спросил Хартманн.

– Как ты посоветовал, я подошел к Россмманну и попросил его взять меня к себе ведомым. Он сразу же спросил, кто мне посоветовал обратиться именно к нему. Я назвал тебя, Эрих. Тогда он согласился.

– Вот и молодец, – проямлил Хартманн, уже прилично захмелевший. – Если бы не Россмманн...

– Послушай, Эрих, – перебил его Биркнер, – расскажи лучше, как ты здесь начинал?

– Как начинал? – задумчиво протянул Хартманн, раздумывая, говорить ли правду, потом решил: – Не дай бог тебе так начинать... С самого начала все шло вкривь и вкось. Началось с того, что нашей четверке – Вольфу, Штиблеру, Мерчаду и мне – предложили перегнать на Кавказ штурмовики «Ю-87». На этих штурмовиках мы никогда не летали, но решили, что все самолеты в принципе одинаковы, потихоньку долетим. Я сел в кабину, разобрался с управлением, запустил двигатель и стал выруливать на старт. Двигаюсь по рулевой дорожке, жму на тормоза, а их нет. Представляешь? Пока я соображал, что делать, мой самолет врезался в избушку диспетчера, разнес ее к чертям – вокруг только бумаги полетели.

Вольф взлетел, но у него заклинил мотор. С грехом пополам он как-то приземлился. Многообещающее начало, не правда ли?

Ну ладно, доставили нас на транспортнике в штаб эскадры, потом сюда в группу. Представили командиру фон Бонину. Тот нас проинструктировал, так же, наверное, как и тебя сегодня, потом распределил по эскадрильям: меня с Мерчадом в 7-ю, Штиблера с Вольфом в 9-ю.

Хартманн заметно оживился, стал говорить громко и быстро. Далее из его рассказа выяснилось, что его определили ведомым к обер-фельдфебелю Паулю Россмманну. Глядя на него, можно было подумать, что это какой-то чужак, «с мухами в голове». С утра до вечера распевает песни, улаживает какие-то личные дела, если не с летчиками, то с девицами из обслуживающего персонала. Никак не походил он на серьезного пилота, тем более снайпера, как его рекомендовали.

Ветераны эскадрильи, эти воздушные волки, весело похлопывали Эриха по спине, приговаривая: «Не робей, Хартманн, Пауль отличный парень, с ним не пропадешь. Он всегда приводит своих ведомых домой».

То же ему сказал и его механик Гейнц Мертенс, его верный Биммель.

Хартманну не терпелось поскорее вылететь на боевое задание, он буквально изводил просьбами Россмманна. Наконец, на четвертый день его пребывания на базе, Пауль согласился с ним вылететь. Предстояло перехватить группу советских штурмовиков «Ил-2» в районе Прохладного.

Когда они подошли к месту и разобрались с обстановкой, то поняли, что колонну немецких пехотинцев штурмует звено «Ил-2» под прикрытием семерки истребителей «ЛаГГ-3». По команде Россмманна они пошли в атаку. На высоте около полутора тысяч метров Хартманн увидел впереди несколько самолетов, окрашенных в зеленый цвет. Недолго думая, он дал полный газ, обогнал Россмманна, и открыл огонь. Но все его трассы почему-то ушли выше и левее.

Меж тем цель стремительно приближалась. Опасаясь столкновения, Хартманн резко отвалил в сторону и тут же, к своему ужасу, обнаружил, что он со всех сторон окружен зелеными самолетами, начавшими на него разворачиваться.

С перепугу он бросил свою машину вверх, пробил тонкий слой облаков и увидел, что наверху никого нет, он совершенно один. Эрих приободрился, а тут еще в наушниках послышался спокойный голос Россмманна: «Не волнуйся, я тебя вижу. Спускайся вниз, и я тебя подберу».

Хартманн тотчас же выполнил команду, опустился на полторы тысячи, но тут обнаружил, что какой-то самолет идет прямо на него. Он запаниковал, сообщив Россмманну, что его преследует противник, спикировал вниз, а потом вообще бросился на запад. «Поворачивай вправо, чтобы я мог сблизиться с тобой», – послышался в наушниках голос ведущего. Хартманн послушно повернул вправо, но неизвестный самолет перерезал ему курс и стал сближаться.

Теперь Хартманн запаниковал, ударил по газам и понесся куда глаза глядят. В наушниках стоял сплошной треск, Россмманна не слышно, а неизвестный самолет продолжал его преследовать.

Когда Эрих наконец опомнился от этой сумасшедшей гонки, индикатор топлива на приборной доске мигал красным цветом – бензина в баке оставалось на пять минут. О том, чтобы дотянуть до своего аэродрома, нечего было и думать. Пришлось сажать машину «на живот», и это произошло, как потом выяснилось, в каких-то тридцати километрах от базы. От досады хотелось рвать на голове волосы.

Дома Хартманн получил страшный разнос от фон Бонина: оторвался от ведущего, без разрешения выскочил на линию огня, пробил облачность, ошибочно принял самолет ведущего за противника, обстрелял его, потом от него убежал, потерял ориентировку и разбил исправную машину. Только теперь до Эриха дошло, что за ним гнался не противник, а его ведущий Пауль Россмманн. За эти выкрутасы его сняли с полетов и послали на три дня к техникам ремонтировать самолеты. Лишь спустя некоторое время Хартманну разрешили летать.

– Понимаешь, – продолжил свой рассказ Эрих, – вскоре я обратил внимание на необычную тактику Россмманна. После тяжелого ранения в руку он уже не мог, как все, крутить в небе карусель, поэтому сделал ставку на неожиданные атаки. Пауль всегда выжидает, прежде чем атаковать. Увидев противника, он вначале оценивает ситуацию – может ли его атака стать неожиданной для русского. Ведь у нас обычно как – увидел летчик противника и сразу на него бросается. А Россмманн не спешит, выбирает мгновение и внезапно бросается в атаку, добиваясь побед и не получая при этом ни одной царапины. Это мне очень понравилось.

Кроме того, Россмманн научил меня видеть в воздухе. Чтобы пришло это умение, надо научиться пилотировать самолет так, чтобы это не отвлекало внимания. Потом все чувства обостряются, и ты начинаешь видеть все вокруг, в том числе и самолеты противника. Но для выработки этого умения нужно время, и не всякий ведущий согласится возиться с молодым пилотом. Сплошь и рядом молодых бросают на произвол судьбы. Выжил – твое счастье. А вот Россмманн... э-э, да что там говорить! Если бы не он, не знаю, получилось бы из меня что-нибудь путное. Давай-ка еще выпьем!

И они в который раз за этот вечер опрокинули по рюмке шнапса.

– Был у меня еще один памятный случай, – вспомнил Хартманн. – Я вылетел в составе звена под командованием адъютанта командира группы обер-лейтенанта Треппе. Мы атаковали группу штурмовиков, которую прикрывали десять «ЛаГГ-3». Прорвавшись через заслон истребителей, я, по совету нашего аса Гриславски, подошел к штурмовику сзади и метров с двухсот открыл огонь. «Ил» тут же задымил, вышел из строя и повернул домой. Я за ним. Вдруг из-под его крыла как рванет, полетели обломки, один мне вцепил прямо в мотор. Пришлось опять садиться «на живот»!

Из этого случая я сделал вывод – сближаться надо до момента открытия огня. Как только ты его открыл, не важно – попал или не попал, сразу стремительно отрывайся от противника.

– А еще ты с кем летал?

– С унтер-офицером Даммерсом. Это сильный и выносливый пилот. Сначала изматывает противника на фигурах высшего пилотажа, потом его обязательно подловит. Удержаться за ним было непросто, поэтому с ним я никого не сбил. Все силы уходили на то, чтобы не оторваться...

– А еще с кем?

– Потом был Альфред Гриславски. Специалист по советским штурмовикам. Недавно его наградили Рыцарским крестом. Потом был Иозеф Цвернеманн. И он, и Гриславски в меру агрессивны, оба хорошо сражаются. От них я научился стрелять с близкой дистанции. Тогда мне впервые пришла в голову мысль – а если связать внезапность Россмана с умением стрелять Цвернеманна. Связал, и стало неплохо получаться.

– Да, ты просто молодец. А как ты с Крупински сошелся?

– Крупински пришел на место командира эскадрильи Соммера в марте этого года. Едва он появился у нас, как сразу отличился. В первом же бою был сбит. Приземлился на парашюте, и едва был доставлен пехотинцами на аэродром, как тут же потребовал новый самолет. Получил новую машину, взлетел, сбил двоих русских и благополучно вернулся на свой аэродром. Его сразу зауважали. Репутация сорвиголовы неслась впереди него. Он такое вытворял в воздухе, что все унтер-офицеры отказались идти к нему в ведомые. Уж очень трудно было его прикрывать.

Хартманн замолчал и стал маленькими глотками отпивать шнапс.

– Как же решился вопрос с ведомым? – не удержался Биркнер.

– Как решился? – задумчиво переспросил Эрих, не в силах оторваться от каких-то своих мыслей. – Решился он очень просто. Пришел как-то ко мне Пауль Россманн и говорит: все унтер-офицеры просят меня полетать ведомым с Крупински. Хоть он и изрядный грубиян, с лейтенантом он будет вести себя аккуратнее. Россманну я отказать не мог.

Хартманн опять замолчал.

– Ну и что? Ты сам пошел к Крупински?

– Да.

– И что же ты ему сказал?

– Я подошел, назвал себя и сказал, что хочу быть его ведомым...

– Что, прямо так и сказал? – недоверчиво переспросил Ханс.

– Да, так и сказал. Он с удивлением посмотрел на меня, потом спросил, давно ли я здесь. Я ответил – три месяца. С кем до сих пор летал? – был его второй вопрос. Я назвал всех летчиков, о которых только что рассказал тебе. Победы? Я говорю – две. Он рассмеялся, хлопнул меня по плечу и сказал: «Это хорошие летчики. У нас с тобой будет все нормально. Спасибо!» Вот и все.

– Мой бог! – Биркнер не мог скрыть своих чувств. – Вот так запросто подойти и предложить себя одному из известнейших в люфтваффе пилотов! Ученику самого Макки Штай-

хоффа. Нет, ты определенно очень смелый человек, Эрих! Я бы на такой шаг никогда сам не решился. И что же, вы слетались?

– Слетались, – с ноткой высокомерия в голосе протянул Хартманн. – Очень быстро выяснилось, что Крупински, при всем его мастерстве пилотажника, тот еще мазила. Поэтому я стал держаться к нему поближе. Как только он отваливал, в очередной раз промазав, я, используя те несколько секунд, которые оставались, чтобы «закрыть дыры», оставленные Круппи, старался точно пустить трассу. Так я сбил с ним парочку самолетов.

Но главное, конечно, не в этом. Мы отработали с ним свою тактику боя. Вальтер идет в атаку, я сижу «на жердочке», прикрываю его хвост и сообщаю ему, если появляется новый самолет противника. Если атакую я, Крупински держится повыше и подсказывает мне, как лучше маневрировать, когда следует отрываться. При этом он постоянно повторяет: «Буби, сближайся! Ты слишком рано открываешь огонь». Сегодня, правда, я стрелял издалека, но получилось неплохо – «кобру» подожгли с первой атаки и сразу же отвалили.

– А почему тебя все зовут Буби?

– Это Крупински придумал, а за ним и все стали так называть. А я его зову Круппи. Мы с ним подружились, только к девкам я с ним не хожу.

Биркнер хотел было спросить почему, но постеснялся. Хартманн, словно угадав его намерение, сам объяснил – в Вейльим-Шенбухе живет его невеста, и он хранит ей верность. Больше на эту тему он не распространялся.

– Давай еще по одной и пойдем спать, – предложил Хартманн. – Что-то я устал сегодня. Они выпили и не спеша побрели к палаткам.

У своей палатки Биркнер остановился и поднял голову. Прямо перед его глазами стояла над полем тихая луна, а дальше, рассыпаясь в темном южном небе, искрясь, трепетали десятки звезд.

Ханс ошущью нашел свою постель, быстро разделся и лег. Немного погодя в палатку, нетвердо ступая, вошел Россмани. Он посветил фонариком, но Биркнер сделал вид, что уже спит. Россмани что-то пробормотал и, не раздеваясь, плюхнулся на постель.

11

Сигнальная ракета взлетела над аэродромом – команда к вылету очередной эскадрильи. Через минуту шестерка истребителей резво взмыла в небо и взяла курс на Крымскую.

Ночью прошел теплый дождь. Земля, укутанная сизой дымкой, дышала под утро испарениями. На небе – кучевые облака.

Ниже облаков держится ударная четверка во главе со штурманом эскадрильи Паскеевым. Сам Покрышкин с ведомым Александром Голубевым ее прикрывают. Они забрались повыше, идут уступом и чуть сзади. В разрывах облаков Покрышкину отчетливо видна машина Паскеева.

«Интересно, как он себя сегодня проявит, – думал Покрышкин. – Летом сорок второго, при штурмовках немецких войск в районе Сальска, Тихорецка и переправ через Маныч, он вел себя достойно».

В полку долго не могли забыть, как при налете «юнкерсов» на аэродром в Бельцах в первый день войны Паскеев с перепугу бросился к речке, залез по горло в воду и сидел там до тех пор, пока не прекратился налет. Шутники не упускали случая по этому поводу поострить. Со временем он как будто сумел преодолеть свой страх, не раз летал один на разведку, успешно штурмовал вражеские колонны, проводил и воздушные бои. В одном из воздушных поединков в предгорьях Северного Кавказа его подбили, и он лишь чудом в последний момент сумел выпрыгнуть с парашютом из горящего «Яка». Паскеева подобрали и привезли на аэродром колхозники. Сильно обгоревший, он молча лежал в кузове полуторки и терпеливо ждал, когда его отправят в госпиталь.

На удивление всем Паскеев быстро поправился и сам попросился в 16-й гвардейский полк. Этот поступок все летчики восприняли с одобрением.

В часть он прибыл на Каспии и сразу активно включился в освоение новых истребителей, чем, видимо, понравился командиру полка Исаеву.

...Высота пять тысяч метров. В небе все спокойно. Но это ненадолго. Впереди, по курсу группы уже показалось большое черное пятно. Наверняка это немецкие бомбардировщики. Издалека они всегда кажутся единой темной массой.

«Почему бомбардировщики одни. А где же прикрытие? Неужели опаздывает? На немец это не похоже, – забеспокоился Покрышкин. – Нет, все как у них принято: вон с аэродрома в Анапе, вздымая пыль, один за другим поднимаются истребители. Расчет точен. Пока бомбардировщики подойдут к линии фронта, «мессершмитты» будут на месте».

– Тигр! Я Покрышкин! К переднему краю подходит первая группа бомбардировщиков! – передал он на станцию наведения. И сразу же своим: – Паскеев! Приготовиться к атаке!

В это же мгновение Саша заметил стремительно приближающуюся к нему пару «мессершмиттов». «Понятно – намерены отвлечь нас с Голубевым от ударной четверки, – прикинул он. – Пока не подошли те, из Анапы, надо этих чертей быстро отогнать».

– Голубев! Прикрой, иду в атаку!

Этой командой он подвел черту: приготовления закончились, начинается воздушный бой.

Две «кобры» с ходу пошли в лобовую атаку. Немцы ее не приняли и, уклоняясь, прыгнули вверх. «Что ж, высота и нам не помешает», – решил Покрышкин и, прибавив обороты, тоже устремился вверх.

«А где же те, что взлетели в Анапе, почему их не видно? – первое, о чем он подумал, когда выровнял самолет и осмотрелся. – Ага, вот и они!»

Десять «мессершмиттов» уже приближались к четверке Паскеева.

«Паскееву нужно развернуться и идти с немцами в лобовую. Когда разойдутся на встречных курсах, его четверка сможет прорваться к бомбардировщикам. Понимает ли ведущий эту тактику? – Покрышкин с беспокойством искал его машину в разрывах облаков. – Вот и она... Отлично! Паскеев так и делает!»

Четверка «аэрокобр» действительно энергично развернулась и стала стремительно сближаться с «мессершмиттами». Вот-вот обе группы скрестят трассы.

«Все... Пора начинать... Почему он медлит?».

– Паскеев, огонь! – не выдержав, крикнул Покрышкин.

И в то же мгновение Паскеев резко отвернул и со снижением пошел в сторону Краснодара, оставляя за собой густую ленту сизого дыма. Его ведомый Козлов по инерции тоже отвернул, но вниз за командиром не пошел. Вторая пара, Речкалов со Степановым, как положено, открыли огонь и разошлись с немцами на встречных курсах.

«Он что, сдурел, что ли? Что он делает? Почему уходит? Неужели опять струсил? Бросил на произвол судьбы трех своих товарищей!» – Покрышкин не находил слов от возмущения.

Ситуация резко изменилась. Слаженные, отработанные боевые действия его шестерки секунду назад, в один миг рассыпались, как карточный домик. «Хватит возиться с этой парой, надо помогать нижним», – решил Александр и резко бросил свою машину в пике.

Но он опоздал. Самолет Козлова, потеряв управление, уже стремительно падал, а от него горкой уходил «мессершмитт».

«Все-таки подбили Козлова, сволочи!» – мелькнула в голове мысль, но он тут же переключился на другое.

– Речкалов! Пристроиться ко мне!

Тут же спохватился: «А где же Голубев? Черт, забыл его предупредить, когда делал резкий маневр. А он, видимо, не уследил, оторвался и остался один на один с парой «охотников». Те, конечно, своего не упустили. Опытные, гады!» – с горечью подумал он, но тут же в голову пришла другая мысль: «Где бомбардировщики? – Он крутанул головой: – Так, первая девятка уже приблизилась к переднему краю. Атаковать ее немедленно, заставить сбросить бомбы, не доходя до цели!»

– Речкалов! Атакуем!

Тройка краснозвездных истребителей, сделав стремительный разворот, сблизились с бомбардировщиками и сзади, сверху открыла огонь из пушек и пулеметов. Навстречу неслись красноватые трассы немецких снарядов, но при огромной скорости сближения и под таким углом стрелки были просто не в состоянии вести прицельный огонь.

Нервы у немцев не выдержали. «Юнкерсы» начали отваливать в стороны, беспорядочно сбрасывая свои фугаски.

Рассеяв первую группу бомбардировщиков, тройка «кобр» бросилась на вторую, потом на третью. Закладывая крутые виражи, она носилась в гуще бомбардировщиков, не выходя наверх, не позволяя «мессершмиттам» включиться в бой. Те в растерянности шныряли вверху, ожидая, когда же бомбардировщики очистят небо и русские останутся одни. И они дождались своего.

«Трое против десяти. И боеприпасы на исходе. А бензин? Бензин еще есть... Значит, придется драться». – Покрышкин почувствовал неприятный холодок в груди.

Но «мессеры» неожиданно стали разворачиваться и неспешно потянулись на запад. Оглянувшись, он увидел приближающуюся группу наших истребителей, вызванную «Тигром». От сердца отлегло, теперь можно было возвращаться домой. Они свое задание выполнили.

...Гриша Чувашкин с тревогой всматривался в горизонт. Вот, наконец, показались три точки, через мгновение над аэродромом на бреющем прошли три «кобры». Первой шла

машина под номером тринадцать. «Кого же нет? Паскеев давно вернулся. Значит, сбили двоих», – с беспокойством прикидывал Григорий. Потом он вместе с другими техниками стремительно побежал навстречу заруливающим на стоянку самолетам.

Пока он добежал, Покрышкин уже освободился от парашюта и реглана и, надев свой «блинчик» на голову, легко спрыгнул с крыла на землю.

– Паскеев с Голубевым дома? – отрывисто спросил командир, едва механик приблизился. По всему чувствовалось, что напряжение боя его еще не оставило.

– Паскеев прилетел, а Голубева нет.

– Дай закурить!

Покрышкин взял из протянутой пачки беломорину, быстрым, точным движением прикурив и с наслаждением затянулся.

– А Козлов? – растерянно спросил Гриша.

– Нету Козлова. Сбили его фашисты. Что случилось с машиной Паскеева?

– Говорит, что заклинило мотор... – как-то неуверенно начал объяснять Чувашкин, но Покрышкин его прервал:

– Ладно, потом!

Они направились к стоявшим в стороне летчикам.

«Что же все-таки произошло? – размышлял Александр. – Долго держал режим форсажа, и не выдержал мотор? Такое бывает. А может, струсил и сделал специально?.. Война преобразует людей. Вон Колесников, до войны был лихач, бесшабашный парень, постоянно получал взыскания за недисциплинированность, а пришла пора испытаний, и он стал одним из лучших пилотов в полку.

И тот же Воронцов, всегда считался солидным, авторитетным офицером, а с началом боевых действий перед каждым полетом стал как мальчик волноваться, выпрашивать у техников стаканчик спирта для храбрости. Под Изюмом струсил, бросил меня в бою... Теперь «устроился» комиссаром эскадрильи...»

Саша всегда помнил, как первое время ему тоже становилось страшно, когда в полете наткнулся на стену ослепительных вспышек от разрывов зенитных снарядов или когда, обернувшись, обнаруживал нависающее над собой желтое рыло «мессершмитта». Разве к такому привыкнешь, да еще когда почувствуешь тупые удары пуль в бронеспинку сиденья или в корпус самолета.

Сколько раз перед вылетом он подавлял в себе эту проклятую, сидящую словно заноза в подсознании мысль: «А вдруг собьют? А вдруг подожгут?» Он подавлял эту подлую мыслишку тем, что начинал злиться на себя, на нее, и она, словно пугаясь, исчезала. Этому научил его первый командир эскадрильи Атрашкевич незадолго до своей геройской гибели во время налета на Бельцы. «Каждому страшно, – говорил комэск. – И тебе, и мне, и Грише Речкалову, летающему на «чайке». Но ты сумей держать свою голову холодной. Сохранишь спокойствие – значит, твое счастье. Потеряешь – значит, конец!»

Постепенно Покрышкин нашел противоядие от этих подлых мыслишек: он научился не думать ни о чем постороннем, ни на миг не отвлекаться в бою от управления самолетом и использования оружия. Сосредоточиться только на одном, твердил он себе, как сбить противника и сделать это толково, без потерь. Боевые вылеты он стал расценивать как работу – тяжелую, изнурительную, изматывающую, но жизненно неизбежную и необходимую. Другого просто не дано. «Я чернорабочий войны – сбил сегодня противника, значит, поработал хорошо. Если сбили меня – значит, я работал небрежно, что-то упустил, прошляпил. Буду работать хорошо – никто меня не собьет».

Сказалась рабочая закалка, полученная им в ФЗУ и на заводе.

Постепенно, по мере того как рос счет сбитых им самолетов, росла и его уверенность в себе, в правильности выбранной им солдатской философии.

...Паскеев стоял от всех в стороне. Едва Покрышкин приблизился, как он бросился к нему и начал что-то торопливо объяснять. Но Саша ничего не слышал: от одного вида этого человека, его бегающих глаз, суетливых движений, душила такая ярость, что он изо всех сил сдерживался, чтобы не бросить в глаза: трус, подлец, и пристрелить его на месте. Лишь бегающие на скулах желваки выдавали его состояние.

Подошел командир полка, и Покрышкин отвлекся: пришлось доложить о вылете, о потерях. Исаев молча выслушал и уже на ходу бросил: «Ладно, разберемся. Готовь к вылету новую группу».

Вот так. Столько времени готовил эскадрилью на Каспии к групповым боям, и в один миг все пошло насмарку. Козлов, Голубев... Не укладывалось в голове, что их уже нет. В памяти всплыли события, связанные с Голубевым, симпатичным здоровяком, с которым вместе пришлось столько пережить.

В начале сорок второго полк участвовал в штурмовках вражеских войск в районе Сальска, Тихорецка и переправ через Маныч. Александр только что вернулся из-под Орехова, где был сбит немцами. Свой полк он нашел под Ростовом. Тогда командир полка Иванов предложил ему подлечиться, а потом заняться подготовкой молодых летчиков. Из них создали эскадрилью, во главе поставили Крюкова, Покрышкина к нему заместителем, для обучения дали десять стареньких «И-16».

Среди этой группы своей хваткой сразу выделились Вербицкий, Науменко, Мочалов, Бережной и Голубев. Новая эскадрилья занялась штурмовкой станций и эшелонов противника.

Уже в июле сорок второго новый командир полка Исаев поручил Александру заняться подготовкой очередного пополнения – группы молодых летчиков, прибывших в полк после окончания Сталинградской летной школы.

В начале сентября Покрышкин с Голубевым на полудорожке отправились в станицу Шкуринскую.

..Было солнечное утро. Возле штабной землянки построились молодые пилоты. Спустя минуту из землянки вышел Покрышкин с сердитым выражением лица и, пробурчав: «Опять вас, слабаков, на мою шею повесили», – начал опрос: кто где служил, что кончал, сколько часов налетал. Выслушав всех, он почесал затылок, потом изрек:

– Да-а, с полетами у вас негусто. Летать надо больше. Запомните – самое главное оружие летчика-истребителя – техника пилотирования. Потом тактика, стрельба и так далее. Понятно? Кто назначен в первую эскадрилью?

– Я, – вперед шагнул худенький Василий Островский.

– Один? Ясно. Голубев, – обратился он к рослому здоровяку, появившемуся из землянки, – познакомься, вот к нам в первую прибыл новичок.

Потом повернулся к строю:

– В общем, так: сейчас я лечу за учебным самолетом. Летать будем настолько интенсивно, насколько позволят нам немцы, которые пылят вон на той стороне Дона. – Он показал на запад рукой: – Учитесь крутить головой, крутить до тех пор, пока не выключил мотор. Да и на земле смотреть, иначе убьют. Вот так на фронте. Ясно?

– Ясно, – нестройно ответили летчики.

– Если ясно, свободны. – Покрышкин повернулся и, не глядя ни на кого, ушел опять в землянку.

Летчики двинулись в свою. Встретив по пути техника, они поинтересовались:

– Кто этот сердитый капитан?

– Покрышкин, заместитель командира первой эскадрильи, – охотно объяснил техник. – Он сейчас все начальство: командир полка не летает, командиры двух эскадрилий в командировке, вот он и заворачивает всей войной в полку.

– Силен, видать, пилотяга?

– Во! – показал большой палец техник.

Один пилот из молодых, Виктор Никитин, все размышлял, что имел в виду Покрышкин, когда, знакомясь с ним, сказал: «Вот, второй Никитин, хорошо бы, чтобы был таким, как первый».

Позже он узнал, что в полку воевал симпатичный летчик Даниил Никитин, приятель Андрея Труда. 5 мая 1942 года он атаковал «Фокке-Вульф-189», или, как его все называли, «раму», который вел разведку над аэродромом, и поджег его. На нашего пилота бросились четыре «мессера», прикрывавшие своего разведчика. Одного Даниил сбил, а во второго врезался на встречно-пересекающемся курсе, после чего вместе с остатками своего «Мига» упал на землю неподалеку от аэродрома.

Покрышкин начал заниматься с молодыми пилотами по распорядку прифронтовой военной школы: занятия в землянке, политбеседы, учебные полеты на «Ути-4» и «МиГ-3». Надо было передать молодым опыт, добытый ветеранами потом и кровью в жестоких боях.

В Сталинградской школе новичков готовили по старым программам в расчете на «И-16» и «чайку». Покрышкин сразу начал с разъяснения преимуществ полета парой на «МиГ-3», о наиболее выгодных заходах при штурмовке наземных объектов, показал, как следует маневрировать в зоне зенитного обстрела, говорил о тактике и вооружении немецких самолетов. Он рисовал на доске их силуэты и объяснял, под какими ракурсами следует к ним подходить и с какого расстояния открывать огонь. Не забыл упомянуть о своих ошибках, а также ошибках однополчан, не вернувшихся из боя. Завершающим этапом учебы стала отработка элементов воздушного боя на «Миге».

Молодежь «сражалась» друг с другом с таким азартом, что не заметила, как однажды в зоне появился «Юнкерс-88», сбросил на их аэродром бомбы и благополучно скрылся.

При разборе полетов Покрышкин пропесочил молодых, а для себя решил – пора их отправлять на фронт.

Кажется, что все это было вчера...

Потом мысли его незаметно вернулись к концу лета сорок второго, столь памятного ему.

У синего моря

1

В августе 1942 года, возвращаясь с очередной штурмовки, Александр увидел на своем аэродроме много незнакомых самолетов. Оказалось, что это сел 45-й полк Дзусова. Командование воздушной армии приняло, наконец, решение вывести 16-й гвардейский истребительный полк на отдых, пополнение людьми и новой техникой, а старые «Яки» было решено передать летчикам 45-го полка, причем не завтра или послезавтра, а прямо сейчас.

Дзусов попытался было вместе с самолетами прихватить несколько летчиков, но Покрышкин, видя, что командир полка Исаев этому не противится, решительно поломал дело.

У КП летчики и техники шестнадцатого, собравшиеся у бочки с сухим вином, уже отмечали это важное событие. Завидев Покрышкина с его техником, задержавшихся на стоянке по поводу судьбы «найденного «Мига», подняли шумный галдеж, требуя, чтобы опоздавшие скорее присоединились, иначе может не хватить сухого.

Глотая из кружки терпкое красное вино после очередного тоста за победу, Саша испытывал противоречивые чувства. Было радостно от того, что после года тяжелых, изнурительных штурмовок, вылетов на разведку, поединков с «мессершмиттами» – с посадками на разных аэродромах и просто площадках у лесополос, – после года нечеловеческого напряжения и стольких потерь, даже здесь, в предгорьях Кавказа, когда в измотанном до предела полку оставались считанные летчики, их вот так неожиданно и быстро снимают с передовой и направляют в тыл. И одновременно было грустно от мысли, что завтра они уже будут лишены возможности стрелять по наглomu врагу, загнавшему их в эту черную степь, что не они теперь остановят вражеские дивизии, не они будут мстить за смерть своих боевых товарищей. И от этого противоречия он среди общего восторга и веселья загрустил и ушел в степь.

Полк быстро сдал свои самолеты и по частям неспешно двинулся на юг, к Каспийскому морю.

Покрышкин вместе с техником Чувашкиным, согнувшимся в три погибели за его сиденьем, полетели на стареньком полосатом «Миге», который Саша на свою голову подобрал на одном из аэродромов при отступлении и теперь не знал, куда его приткнуть. Машина оказалась неучтенной, ее никто не хотел принимать. Ее можно было лишь сдать в ремонтные мастерские для последующей разборки на запчасти, но где находятся эти мастерские – никто не знал. Наконец, при очередной посадке в поселке Тулатово, к счастью вконец измучившего Гриши Чувашкина, они эти мастерские нашли и избавились от злополучного самолета.

С легким сердцем они последовали за своими в Махачкалу.

16-й полк постепенно, по мере прибытия отдельных групп, собирался в заброшенном старом саду на окраине города. Пока прибывшие ждали очередную группу, ветераны собрались вокруг полкового спеца по вину Петра Лоенко, разливавшего из бочки, подобранной по дороге в каком-то колхозе, сухое вино по кружкам. Многие уже успели прилично принять.

Молодежь из Сталинградской школы, стесняясь, скромно расположилась в сторонке. На них-то и обратил внимание Покрышкин, когда с кружкой вина и яблоком вышел из шумного круга.

– А вы почему не подходите? – поинтересовался он у молодых.

– Неудобно как-то, пусть вояки тешатся, – отрешенно ответил за всех Виктор Никитин.

– Нам бы пожевать чего-нибудь, а приказано отсюда не отлучаться, – вставил Ивашко.

– Что, проголодались? – спросил Покрышкин, внимательно всматриваясь в лица молодых летчиков.

– Мы же две недели уже идем пешком. Кормимся «подножным кормом». Последний раз ели два дня назад в Прохладном у матери Сапунова, – объяснил Виктор Никитин, взглядом приглашая сидящего на земле Сапунова в свидетели.

Покрышкин еще раз озабоченно осмотрел их, потом развернулся и направился к галдящей толпе.

– Лоенко, – крикнул он, чтобы слышали все вокруг. – В первую очередь обслужи вон тех. – Он показал на молодых ребят, расположившихся в сторонке: – Это наши молодые летчики. Они уже две недели «на подножном корму». Если у кого в мешках есть что-нибудь съестное – надо поделиться!

– Эй, «салажата», давайте все сюда! – наливая вино в кружку, позвал молодых Лоенко. Они несмело двинулись к бочке. Очень скоро, усевшись в кружок, они с волчьим аппетитом уминали каравай хлеба, лепешки, помидоры, яблоки.

– Молодец, капитан! – приговаривал, набивая рот, Савин. – Только он и обратил на нас внимание.

– Обратил, потому что он человек необыкновенный и к тому же наш учитель! – разъяснил ему Никитин, не забывая управляться с очередным куском.

– Точно, неравнодушен к массам и к конкретному человеку, вроде тебя, – безапелляционно вставил Сапунов.

– А это большое дело! – заметил Моисеенко. – Далеко пойдет наш капитан! Говорят: бумаги на Героя ему уже оформили.

– Давно оформили, еще в марте, – подтвердил все знающий Никитин. – Только при отступлении Героев не очень-то дают.

– Ну как, хлопцы, дела? – Над ними склонился уже прилично захмелевший Лоенко. – Еще добавить?

– Спасибо, довольно. Теперь можно и в Закавказье ехать, – поблагодарил за всех техника Ивашко.

Тут послышался шум моторов. Подошли два «ЗИСа».

– Всем летчикам – по машинам! Технический состав – в колонну и на вокзал! – подал команду начальник штаба полка Датский.

Весь лагерь зашевелился, одни стали собирать мешки, грузиться на машины, другие в сторонке строиться.

После долгих мытарств полк, наконец, прибыл в небольшой и ничем, наверное, не примечательный поселок Насосная, на берегу Каспийского моря. На узкой полоске земли, между горами и морем, растянулась длинная цепочка аэродромов, подобных этому, под Насосной. Выходя из самого пекла битвы, измотанные нечеловечески трудными, ожесточенными боями, авиационные полки распределялись на них, чтобы переформироваться, получить новые самолеты, наконец, просто немного перевести дух.

Новая, необычная обстановка, в которую попадали фронтовики, их просто ошеломляла. Запахи цветов, пение птиц, фрукты, вино, блеск луны на морской воде – все это воспринималось не как реальность, а как что-то далекое, неясное и дорогое, смутно напоминающее довоенную жизнь.

2

...Саша проснулся лишь на вторые сутки. Было погожее августовское утро. Солнце уже поднялось, вокруг пахло морем, стояла удивительная тишина, и все было так необычно, что несколько секунд он оглядывался и соображал – куда это он попал.

Еще раз осмотрев все вокруг, сладко потянувшись, он, едва притронувшись к краю борта, стремительно подбросил свое тело и выпрыгнул из машины. По привычке сделал стойку на руках, несколько раз прогнулся, размял шею и прошелся вокруг машины. Ввиду перегруженности общежития они решили остаться ночевать в кузове грузовика.

У стены, на авиационном чехле, спал крепыш и балагур Гриша Чувашкин. Видимо, ночью, в компании своих «технарей», он отмечал прибытие на новое место и, вернувшись, не нашел в себе сил забраться в кузов грузовика.

Саша заглянул в его измученное, темное от дорожной пыли лицо, согнал жирных мух, ползающих по нему; Гриша спал так крепко, что Саша не решился – рука не подымалась – его разбудить.

Он вновь забрался в кузов с намерением найти все необходимое для купания. Обнаружив в углу грузовика под чехлом заготовленную любителем поесть Вадимом Фадеевым еду, Покрышкин с аппетитом выпил полкрынки топленого молока с ломтем кавказской лепешки. Затем раскрыл свой походный чемодан, в котором хранил холостяцкие пожитки. Белье, платочки, полотенце, альбом для рисования схем. Книга. Бритва, мыло, коробочка с иглами и нитками, флакончик с одеколоном. Еще с довоенного времени он бережно хранил коверкотовую гимнастерку с брюками и пилоткой. Однако после падения под Запорожьем, когда его подбили «мессеры», однополчане разобрали его незамысловатый скарб, который обратно, согласно неписаной летной традиции, уже не возвращался. Так и досталась кому-то на память его довоенная форма.

Сейчас он выбрал полпачки хозяйственного мыла, самодельные плавки и завернутый в клеенку однотомник Есенина. Собрав все это в кучу, он опять спрыгнул с машины и вышел со двора.

Городок в этот час был еще совершенно пустынным. Его маленькие белые домики с небольшими оконцами тесно лепились один к одному. Неширокая улица, совершенно голая, без деревьев, прорезала городок и уходила куда-то влево. Справа открывался вид на море, которое в это утро было абсолютно спокойным.

Пустынный песчаный пляж казался бесконечным; туда он и направился.

Через минуту Саша стоял у кромки прибоя и всматривался в воду. Сквозь ее прозрачную чистоту до крохотных камешков проглядывалось освещенное солнцем песчаное дно; поблескивая серебряными чешуйками, стайки мелких рыбешек беззаботно гуляли вдоль берега.

Шагах в пятидесяти от него, стоя по пояс в воде и весело переговариваясь, мылись трое летчиков из его полка: высокий здоровяк Голубев, сухощавый, подвижный шутник Андрей Труд, прибывший в полк еще в начале войны, и невысокий крепыш Саша Мочалов. Уже второй Мочалов. Первый пропал без вести в Молдавии.

Около них на песке сохло выстиранное обмундирование. Тут же, на разостланной газете, виднелся круг колбасы из продпайка, буханка хлеба, горка помидоров и прикрытая от солнца емкость, по всей вероятности, с вином, которое они ухитрились где-то раздобыть еще вчера.

Летчики увлеклись купанием, а Саше в это утро более всего хотелось побыть одному – он не стал их окликать, а повернулся и пошел в противоположную от них сторону, по берегу вдоль кромки воды.

День выдался прекрасный, как по заказу. Солнце сияло и грело, но уже не пекло так нещадно, как это бывает в середине лета. От песка, редких кустов, от желтой, колючей южной травы, прораставшей подальше от воды, подымался свежий аромат утренней росы и остро пахнувших морских водорослей, выброшенных на берег ночью. Небольшие волны с тихим шелестом набегали на берег. Горизонт был чист, совершенно пустынный, и хотелось до бесконечности смотреть туда, в даль, где темно-синее море сливалось с голубым небом.

С удовольствием вдыхая чудесный морской воздух, он медленно шел вдоль кромки прибоя, посматривал вокруг, и думал.

Как же быстро может меняться жизнь человека! Просто даже не верилось, что еще совсем недавно, изнемогая от напряжения и жажды, он сидел в кабине своего «Яка» и в пологом пикировании, приемом, выработанным им во время обучения молодых летчиков, короткими, точными очередями расстреливал немцев из танковой дивизии «Викинг», продвигавшейся на своих огромных «бюсингах» по дорогам Ставрополя.

Как-то не верилось, что еще несколько недель назад он мог запросто погибнуть, когда, прикрывая штурмовиков, оторвался от своей группы и оказался один на один с парой «мессершмиттов».

Как всегда, они уходили в сторону солнца и, преследуя их, он вначале хорошо видел их силуэты. Но через несколько секунд, заметив, что быстро от них отстает, догадался, что имеет дело с новой модификацией «мессеров», у которых двигатели были мощнее, чем у его «Як-1».

Стало ясно – над ним пара грозных врагов, которая, к тому же, находится со стороны солнца и имеет преимущество в высоте.

Он резко переложил свой «Як» на крыло, намереваясь уйти к своим. Но не тут-то было. Оторваться от двух зависших над ним «охотников» было не просто. Заметив, что он пытается уйти, они тут же бросились в погоню и стали быстро его настигать. Судя по почерку, это были опытные пилоты.

О какой-либо помощи нечего было и думать: рации не было, свои, сопровождая штурмовиков, давно ушли. Оставалось одно – развернуться навстречу «мессерам» и показать, что готов сойтись в лобовую. Так он и сделал.

Но эти тертые калачи, не приняв лобовой атаки, прыгнули вверх и вновь зависли над ним. Положеньице – хуже не придумаешь. У них – преимущество в высоте и скорости, у него горючего в обрез, только дойти до своего аэродрома. Бой завязался над вражеской территорией, кончится горючее или он допустит какой-то просчет – все, хана, они расстреляют его как мишень.

Оставалось только одно – придумать что-то такое, чтобы этих чертей объегорить. Но для этого нужна скорость, без скорости ничего не придумаешь.

Еще окончательно ничего не решив, он круто развернулся на восток и ударил по газам, выжимая из своего «Яка» все, на что тот был способен. «Мессеры», словно две стрелы, выпущенные из лука, устремились за ним и стали быстро его догонять. Вот они уже на дистанции прицельного огня, еще чуть-чуть и...

Он резко бросил машину в пике. От стремительного падения истребитель задрожал, в ушах появилась сверлящая боль. Приотставшие было «мессершмитты» вновь его догнали и вышли на дистанцию прицельной стрельбы. Теперь можно было начинать. Он изо всей силы потянул ручку управления на себя и заработал педалями. «Як-1» резко пошел на горку, закручивая спираль. От чудовищной перегрузки потемнело в глазах.

Нет, недаром он так обстоятельно изучал «мессершмитты» в группе генерала Науменко. Сейчас он должен получить ответ на вопрос – правильно ли он воспользуется конструктивным недостатком этого самолета. Если «крючок», отработанный им на тренировках, его подведет, придется за это расплачиваться жизнью.

В верхней точке, переведя машину через крыло на горизонт, он быстро осмотрелся. Так и есть, в своих расчетах он не ошибся. Не способные резко выходить из пикирования, «мессершмитты» внизу замешкались, потом, наверстывая упущенное, развили на горке большую скорость и не смогли притормозить. Ведущий, обогнав Александра, выскочил впереди него метрах в пятидесяти и сразу же попал в перекрестие прицела его «Яка». Длинная очередь из пушки и пулеметов. «Мессер» на мгновение как бы завис в прицеле, потом перевернулся и камнем пошел к земле.

Второй немец, ведомый, выскочил рядом. Увидев, что случилось с его командиром, он тут же вышел из боя и устремился на запад.

Теперь можно было направляться домой, горючего оставалось в обрез. Вскоре показались знакомые ориентиры, где-то совсем рядом располагался наш аэродром. Саша невольно расслабился...

Треск пуль об обшивку самолета отрезвил его моментально. Инстинктивно крутанув бочку со снижением, он резко сбросил скорость, вынудив атакующих вырваться вперед. Пара «мессеров» проскочила над ним и резко ушла наверх. Длинная очередь им вслед, так, для острастки. Нет, хватит испытывать судьбу...

Он не знал тогда, что в поединке с двумя «мессершмиттами» сбил Леопольда Штейнбаца, известного немецкого аса из 52-й эскадры, награжденного Рыцарским крестом с Дубовыми листьями и мечами, и что вторая пара пыталась отомстить за смерть своего командира.

Таких воздушных боев, жестоких, смертельных, невероятно тяжелых, когда противник по количеству превосходил в несколько раз, он в этот год провел двадцать четыре. Двадцать четыре раза Саша смотрел смерти в глаза!

И все это действительно было, и было совсем недавно, но от того, что он, наконец, по-настоящему выспался, от того, что это были самые сильные впечатления последнего времени, ему казалось, что все это происходило всего несколько часов назад.

Саша не удержался, раскрыл на ходу томик стихов и начал было его читать, но тут же подумал, что сперва нужно покончить со стиркой. Отойдя от кромки воды метров на двадцать, он сел на песок, быстро разделся, потом дважды старательно выстирал грязные, пропитанные потом и пылью гимнастерку с брюками, ставшие буквально черными портянки. Затем, крепко отжав, разложил все сушиться на песке, зашел в воду и начал мыться сам. С трудом намылившись в морской воде, он со сладостным ожесточением стал скрести голову, потом долго скоблил все тело, пока кожа не покраснела. Он уже забыл, когда так мылся последний раз.

Потом Саша плавал, нырял с открытыми глазами, держался под водой до тех пор, пока хватало воздуха в легких, и в изнеможении подымался на поверхность.

Пробыв в воде минут сорок, он вышел на берег, ощущая бодрость и легкость во всем теле, чувствуя себя словно обновленным. Хотелось сесть в лодку и поплыть туда, к горизонту, как это делал он до войны во время отдыха в Хосте вместе со Степаном Супруном, известным на всю страну летчиком-испытателем. Как это все давно было, да и было ли?

Потом он взялся за постиранное обмундирование. Повернул его на песке, проверил, сохнет ли оно. Теперь можно было почитать.

Саша любил и при каждой возможности читал книги, но поэта Есенина открыл для себя недавно, когда при очередном перебазировании в одном из покинутых домов станицы нашел этот однотомник; стихи поразили и очаровали его.

В перерывах между полетами, уединившись под крылом своего истребителя, пока техники заправляли машину горючим, оружейники перезаряжали пушку и пулеметы, он с жадностью и восторгом читал этот сборник, то и дело находя в нем подтверждение своим мыслям; многие четверостишья он знал уже наизусть.

Как ни странно, но это бескрайнее море, этот чистый, желтый песок, редкие кустарники вдалеке – все до боли напоминало ему исконную сибирскую Россию и более того – его родной Новосибирск, где в домике у реки Каменки осталась мать с сестрой и меньшими братьями, где прошло его босоное детство.

Очарованный окружающим, он был как бы в забытьи, когда вдруг услышал: «Саша, куда ты пропал? Давай к нам, уже все готово». Он обернулся – сзади, метрах в пяти, стояли улыбающиеся Труд с Голубевым. Очевидно, они все-таки заметили его появление на берегу. Пришлось идти в компанию.

3

На море они пробыли до вечера и на ужин пришли под хмельком. Как обычно, у небольшой столовой уже собралось много офицеров. Полки постоянно прибывали, и питаться приходилось в несколько смен. Каждый стремился прорваться первым в небольшой зал, чтобы не стоять в очереди у столов. Из-за этого между офицерами иногда возникали стычки. Люди, привыкшие к напряженной фронтовой обстановке, оказавшись в городке в неопределенном положении и ничем не занятыми, часто по разному поводу выпивали, благо водку и вино в поселке можно было найти без труда.

Ловкий, подвижный Труд и крепкий Голубев в числе первых проникли в столовую и заняли место для Александра, стеснявшегося толкаться. Едва они расположились за столом, как официантка поставила перед ними алюминиевые миски с перловой кашей, в которой на этот раз можно было найти кусочки сала. Молча принялись за еду.

С чего все началось, Саша так и не понял – слишком был поглощен своими мыслями. Очнулся он от разговора «на басах». Оказалось, что трое подвыпивших офицеров пристали к Голубеву и Труду. Один из них, схватив Труда за гимнастерку на груди, кричал, что сейчас набьет парню морду за грубую толкотню в очереди. Недолго думая, Саша тут же врезал скандалисту коротким хуком в челюсть, как он это делал когда-то в Новосибирске, когда занимался боксом. Офицер свалился под стол.

Все вскочили, поднялся страшный шум. Столовая быстро разделилась на «своих» и «чужих». Началась потасовка, и длилась она до приезда коменданта в столовой, а после приезда коменданта с охраной драка выплеснулась на улицу. Порядок навел лишь прибывший с автоматчиками на «Додже» начальник гарнизона полковник Губанов. Покрышкина, как зачинщика драки, задержали и увезли.

Спустя некоторое время на площадке перед столовой опять поднялся шум.

– Полундра!.. Все сюда! Быстро! Важное и сенсационное сообщение, – слышался зычный голос.

Это кричал Вадим Фадеев. Он задержался в какой-то компании и в потасовке, к своему сожалению, не участвовал. Узнав его по голосу, все из шестнадцатого полка потянулись к столовой, предвкушая веселую разборку.

– Из достоверных разведывательных данных стало известно следующее: Саша Покрышкин посажен на «губу» – это первое!.. Во-вторых, ему грозит трибунал! Ясно? – буравя окружающих гневным взглядом, рычал Фадеев.

Летчики загалдели, посыпались вопросы и гневные выкрики.

– Тихо! – вскинув руки вверх и тряся бородой, закричал Фадеев. – Тихо! Объясняю: он тут одного тылового «чмура» кулаком случайно по сопатке задел... Я думаю так: сейчас всей оравой мы пойдем, поднимем все начальство на ноги и потребуем освобождения нашего товарища, а то...

– Перевернем все вверх ногами, разгромим это заведение! – перебил его Чесноков.

– Полундра!.. Вперед! Пошли! – закричал Володя Бережной.

И толпа летчиков двинулась на выручку своему товарищу. Но не прошли они и ста метров, как им встретился командир полка Исаев с начальником штаба Датским.

Всем было приказано немедленно прекратить «бузу» и отправиться в общежитие. Исаев пообещал во всем разобраться. После этого летчики быстро разошлись.

Во время отбывания наказания в пыльной, обшарпанной комнате с маленькими оконцами, каковой являлась гарнизонная гауптвахта, Покрышкин узнал от дежурного, что ударил он подполковника, командира одного из дислоцировавшихся в поселке истребительных

полков, который в столовой был вместе со своим начальником штаба и комиссаром. Поэтому и неумолим был начальник гарнизона Губанов.

Едва Саша появился в общежитии после отсидки, как ему сообщили, что он снят с должности комэска и переведен в запасной полк. Он решил, что ребята его разыгрывают, потому, недолго думая, отправился к начстрою полка Павленко.

– То, что ты, капитан, снят с должности, – еще не самое страшное, – огорошил старший лейтенант, отвечая на его вопрос. – Тебя исключили из партии!

– Как? Исключили из партии? Неужели пошли на такое? – Саша не верил своим ушам.

– Вчера на заседании партийного бюро командир полка обвинил тебя в недисциплинированности: оспариваешь его указания, самовольно меняешь воздушную тактику, как он выразился, «нарушаешь требования устава истребительной авиации». Ну и, конечно, припомнил последнюю ссору с командиром соседнего полка. Вот так! Собрание проголосовало за исключение. Тут уж Воронцов постарался, припомнил, видимо, вашу стычку из-за похорон Супруна.

Пораженный услышанным, Саша молча смотрел на начстрою.

«Как же так: честно воевал с первого дня войны, не трусил, не малодушничал, в коллективе был на хорошем счету, считался в полку лучшим летчиком-истребителем, только официально сбил семь самолетов противника, а сколько еще не засчитали. И это все псу под хвост из-за какой-то стычки со старшим офицером, который, к тому же, сам ее спровоцировал, из-за этого недостойн быть коммунистом и командиром-гвардейцем?!» – беззвучно шептал он...

– Но и это еще не все, – невозмутимо продолжил Павленко. – На тебя передано дело в Бакинский военный трибунал. Сам понимаешь, чем это может кончиться. По 227-му приказу могут запросто пустить в расход. Почитай вот, какую характеристику на тебя отправил Исаев. Можешь взять ее себе. Это копия.

И он углубился в бумаги.

Александр читал характеристику и не верил своим глазам. «До какой же подлости может опускаться человек, – лихорадочно думал он. – Нет, надо что-то делать. Но что? Пойти к Исаеву и поговорить с ним напрямую? Что это даст? Он исказит разговор, да еще представит его в выгодном для себя свете...»

Так ничего и не решив, он покинул канцелярию.

Николай Исаев появился в 16-м гвардейском истребительном полку весной сорок второго в качестве штурмана полка. До этого он был партийным работником и даже в 16-м первое время продолжал носить гимнастерку с петлицами батальонного комиссара. Во время боев за Ростов был ранен в руку и, возможно, поэтому на боевые задания практически не летал.

Летчики вначале не обращали на Исаева особого внимания. Штурманов и без него хватало – тот же Крюков, да и сам Покрышкин хорошо разбирались в штурманских делах.

Первое серьезное столкновение с Исаевым у Александра произошло на аэродроме под Миллеровом, во время отсутствия командира полка Иванова. Тогда степные дороги были забиты немецкими солдатами, танками, которые находились уже в тылу советских войск, а их авиация господствовала в воздухе. Воевать приходилось на нервах и крови.

После очередного вылета на штурмовку Покрышкин заходил на посадку последним. Перед ним садился Александр Голубев.

Еще издали Саша заметил, что самолет из его шестерки, не взлетевший со всеми на боевое задание из-за отказа двигателя, не убран, так и стоит на краю поля, как раз по курсу их посадки, в самом начале посадочной полосы.

Голубев, еще недостаточно опытный летчик, к тому же ослепленный солнцем, при планировании неточно рассчитал высоту и зацепился за винт неубранного истребителя. Прямо

перед Покрышкиным машина молодого пилота ударилась о землю, развалилась на куски и загорелась. Было просто жутко смотреть, как прямо у него на глазах погибал его боевой товарищ.

Выбравшись из кабины своего истребителя, Саша первым делом поинтересовался, что с Голубевым. Жив, успокоил его Чувашкин, только что отвезли в госпиталь.

Тогда у Александра возник вопрос – почему начальство до сих пор не распорядилось убрать неисправный самолет. Возможно, было занято чем-то важным?

Одного взгляда в сторону КП оказалось достаточно, чтобы понять, что об оставшихся на хозяйстве командирах он был слишком хорошего мнения. Исаев, высокий, дородный мужчина, вместе с новым начальником штаба Датским стояли на крыше землянки и преспокойно наблюдали за происходящим в бинокли.

Взбешенный Покрышкин бросился на КП.

– Почему не освободили взлетно-посадочную полосу?

Его вид в этот момент был настолько угрожающим, что Исаев, недолго думая, сам пошел в атаку.

– Что-о? – с хмурым видом враждебно протянул он. – Как ты смеешь задавать мне такие вопросы?

Исаев был старше Александра по должности и по званию, и в данный момент, в отсутствие командира полка Иванова, исполнял его обязанности. Свою роль, конечно, сыграли привычки бывшего партийного работника, которых все побаивались и тянулись перед ними в струнку.

К тому же Исаев считал себя достаточно опытным летчиком, чтобы выслушивать замечания в таком дерзком тоне от этого излишне самоуверенного комэска. Как-никак, а кадровый летчик-политработник с довоенным стажем, участник финской войны, награжденный за нее орденом Красного Знамени, а в эту, за бои под Ростовом, орденом Ленина, – и он обязан отчитываться перед каждым капитаном?

– Смею! Смею, потому, что это летчик из моей эскадрильи и я за него в ответе! При посадке против солнца любой может допустить ошибку! Солнце слепит!

– Солнце, говоришь, слепит? – недобро переспросил Исаев. – Тоже мне защитник нашелся!.. Ничего, вот посидит твой Голубев на «губе», тогда хорошо будет видеть и против солнца.

– Да вы что? – Покрышкин аж задохнулся от возмущения. – Человека, только что вернувшегося из боя и чисто случайно оставшегося живым, наказывать?!.. Да это вас надо посадить на «губу» за нераспорядительность, чтобы лучше соображали!

«Губой» на жаргоне летчиков называлась гауптвахта.

Разговор начинал принимать нежелательный для Исаева оборот, и он решил, что ему лучше всего замолчать.

Покрышкин вернулся на стоянку самолетов. Узнав, что Голубева действительно отвели на гауптвахту, он не находил себе места. Как освободить товарища? Решение напрашивалось только одно: дожидаться возвращения командира полка из штаба дивизии и обратиться к нему за помощью.

«Сукин сын, – ругался про себя Александр, расхаживая возле своего самолета. – Если бы ты хоть раз слетал на боевое задание, ты бы понял, что это такое, и по-другому относился бы к летчикам. После такой страшной аварии посадить человека на «губу»!»

Первым, кто встретил Иванова, был Покрышкин. Узнав о происшествии, Виктор Петрович тут же потребовал от штурмана полка освободить летчика. Для Исаева это был щелчок по самолюбию, и он его, конечно, не забыл.

Двадцать первого июля полк перебрався за Дон. Группа летчиков полка полетела в район Ставрополя с целью сдать в полковые мастерские самолеты, у которых был на исходе

моторесурс. По существу, это был выход на отдых. В полку остались две эскадрильи – Покрышкина и Крюкова.

С каждым днем брешь в обороне советских войск расширялась, немцы по ночам регулярно бомбили аэродром, и летчикам редко когда удавалось выспаться. А днем приходилось вести неравные бои. Против сотни советских самолетов на Южном фронте действовала тысяча немецких.

То была, пожалуй, самая трудная пора войны. Люди сдавали от постоянного переутомления.

Командир полка майор Иванов, обеспокоенный отсутствием известий от улетевшей группы летчиков, решил искать их сам. Он вылетел на поиски на стареньком «Ут-2», и при запуске мотора во время пребывания на одном из полевых аэродромов настолько серьезно повредил себе руку, что его срочно отправили в госпиталь.

Узнав об этом происшествии, в полку все сильно переживали. Иванова уважали как командира и любили как человека, прекрасно понимая, какую роль он играл в коллективе.

31 июля 1942 года было объявлено построение личного состава полка. Начальник штаба Датский зачитал приказ командира дивизии о назначении командиром 16-го гвардейского истребительного полка штурмана Исаева. Летчики лишь недоуменно переглядывались. Все понимали, что Исаев по своим деловым качествам и летной подготовке для этой должности явно не подходил, тем более в такое напряженное время. В полку осталось пятнадцать летчиков и столько же потрепанных в боях «Яков».

Исаев, вероятно, и сам был не рад этому назначению, поскольку опасался, что может не справиться с новыми обязанностями. Но приказ есть приказ, его нужно выполнять, и вместо того, чтобы попытаться найти душевный подход к воздушным бойцам, к лидерам, какими были Крюков, Фигичев, Покрышкин, опереться на их опыт и знания, он решил зайти с другой стороны. Уже на первом построении он заявил, что намерен выбить из коллектива «ивановские привычки» и навести дисциплину.

Большей бестактности, чем это заявление, придумать было невозможно, и первым, кто по этому поводу возмутился, был, конечно, Покрышкин. Быстро сообразив, что сморозил глупость, новый командир полка скомкал разговор, но оба ясно поняли: хорошим отношениям между ними не бывать.

Исаеву вскоре присвоили звание майора.

Через несколько дней в районе станицы Гетьманской, уже на Северном Кавказе, Покрышкин с четверкой товарищей, не спрашивая у Исаева разрешения – что тут спрашивать, он бы все равно не разрешил, – организовал воздушную засаду.

Немцы вели себя нагло. Их бомбардировщики появлялись в определенные часы и словно по расписанию бомбили город Кропоткин.

Недалеко от линии фронта Покрышкин выбрал среди гор узкую полоску земли. С большими предосторожностями пятерка приземлилась на ней и замаскировалась. В половине третьего должны были появиться немцы.

Точно, минута в минуту, на фоне гор, между кучевыми облаками, появилась группа из тридцати «Ме-110» и «Ю-88». На этот раз они шли бомбить грозненские нефтепромыслы и одну из крупных железнодорожных станций.

Вначале им навстречу поднялись Покрышкин, Науменко, Бережной. Они атаковали первую группу из 18 самолетов. Вторую группу из 15 самолетов атаковали Федоров с Вербицким.

Атака советских истребителей в горной местности явилась для немцев полной неожиданностью. Они знали все советские аэродромы, которых было немного, понимали, что горы – не степь, в любом месте посадочную площадку не устроишь, поэтому обходили все аэродромы стороной и спокойно летали.

В результате внезапной атаки было сбито пять немецких самолетов, а остальные побросали свои бомбы в горы и удрали. Покрышкин сбил два «Ю-88» и один «Ме-110». Федоров сбил один «Ме-110», и один самолет они сбили коллективно. Поскольку в атаке участвовали пять советских летчиков, то было решено, что каждый из них сбил по одному самолету, чтобы не было обидно. Так и доложили начальству.

За этот бой командующий 4-й воздушной армией генерал Вершинин приказал представить к награде всех участников. Орденами наградили Федорова, Науменко, Вербицкого и Бережного. Покрышкина в наградном списке не оказалось, и он прекрасно понимал, чьих рук это дело.

Впрочем, тогда было не до наград. Оставшиеся в полку пятнадцать летчиков, как и тысячи их собратьев по оружию, меньше всего думали о наградах. Не мудрствуя, они по четыре-пять раз в день летали на штурмовки вражеских войск, от перегрузок уставали так, что порой не могли выбраться из кабин, и их, обессиленных, вытаскивали техники; в свободные минуты они горько сетовали на военные неудачи, с болью воспринимали потерю Ростова; проклинали Гитлера и всю его свору; тужили, что в полку так мало самолетов, а те, что остались, латаные-перелатаные и слабо вооружены; что не хватает бензина, интенданты не подвозят вовремя папиросы. Однако это не мешало им после удачного боевого дня пошутить или «травануть» анекдот. Летчики дрались в строю локоть к локтю – русские, украинцы, белорусы, казахи – и вместе делали святое дело – защищали Родину. Это был боевой коллектив, крепкий, сильный, с традициями, привитыми командиром полка Виктором Ивановым.

«...И вот теперь получается так, – невесело размышлял Саша, – что боевой коллектив от меня отвернулся, не поддержал, стоило мне только споткнуться...»

В нем было развито чувство фронтового братства. К каждому фронтовику, будь то летчик или техник, шофер или официантка из летной столовой, он невольно ощущал теплое чувство приязни и родства, которое часто скрывал за внешне грубоватой манерой общения. И то, что его, боевого офицера, заслуженного фронтовика, в прямом смысле грудью защищавшего Отечество, начальство и коллектив бросили, отвернулись, не поддержали при таких несерьезных, на его взгляд, обстоятельствах, наполняло его душу невыносимой горечью.

По натуре своей человек цельный и гордый, он всегда сильно страдал от незаслуженных обид, хотя и скрывал это от окружающих. Он всегда считал, что живет и поступает правильно, как подобает честному человеку. Не переоценивал своих заслуг, с одинаковой требовательностью относился к себе и другим, не мирился с тем, что считал неправильным в фронтовой жизни. И вот теперь его принципиальность была перевернута с ног на голову, передернута и использована в своих целях некоторыми так называемыми «товарищами по партии, настоящими коммунистами». Они попросту воспользовались случаем, чтобы избавиться от неудобного им человека, а на все остальное им просто наплевать. Был человек и нет его, война все спишет.

«Как же быть, – мучительно размышлял он, – к кому же обратиться за помощью? Иванова нет, комиссар полка Погребной где-то в госпитале...»

Чтобы чем-то себя занять и не слоняться без дела, он решил систематизировать свои мысли по совершенствованию тактики воздушного боя, которые периодически заносил в свою тетрадку. Теперь, целыми днями пропадая на берегу моря, не обращая внимания на ветер, он работал над своими заметками. Загорел, физически отдохнул.

Вечерами его навещали верные товарищи, приносили из столовой еду, и пока он торопливо поглощал очередную миску холодной перловой каши с помидором, рассказывали ему новости.

Вместе с ними приходил Вадим Фадеев. Чувствовал он себя неловко.

– Саша! Ты на меня не обижаешься? – спросил как-то гигант, виновато поглядывая на друга.

– За что?

– Ну как за что. Нескладно все-таки получилось. Ты меня рекомендовал в полк, а я теперь команду твоей эскадрильей. Вроде как подселел тебя.

– Ну и чудак же ты, Вадим! – засмеялся Саша. – Ну при чем здесь ты. Ты ни в чем не виноват. А то, что тебе доверили мою эскадрилью, меня даже радует. Ребята уже все опытные. Возьмешь мои записи и будешь по ним готовить эскадрилью к новым боям... Вот видишь, здесь написано: успех боя зависит от превосходства в высоте, скорости, маневре и огне. Вот и будешь отрабатывать с ними эти элементы.

– А ты?

– Боюсь, что мне уже не придется...

– Ты что надумал, Сашка?! – Вадим энергично тряхнул Александра за плечо. – Брось дурить! Мы с тобой еще не раз подеремся против фрицев!

Но Саша молчал, задумчиво глядя в вечернюю морскую даль. Ему не хотелось говорить о том, что вот уже несколько ночей, по инициативе командира полка его регулярно приглашает к себе в так называемый кабинет уполномоченный особого отдела Прилипка.

Молодой старший лейтенант, выбритый, аккуратный, пахнувший одеколоном, при свете керосиновой лампы каждый раз допытывается, где и когда Покрышкин уклонился от боя, кого из летчиков бросил в бой, почему оспаривал указания командира, которые являются в армии законом для подчиненного и должны выполняться беспрекословно, точно и в срок.

Саша пытался объяснить, что воевал не числом, а умением, что это правило он, как и вся армия, исповедовал с начала войны, что на этой почве и происходили его столкновения с командиром полка. Но все было напрасно.

При всей его обходительности особист был ему неприятен, и он с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться. Он решил, что лучше вообще не обращать внимания на его идиотские вопросы.

В июле, когда немцы заняли Крым, захватили Ростов, их танковые и моторизованные дивизии рвались к Волге и на Кавказ, и требовалось до последней возможности, до последней капли крови защищать и отстаивать каждую позицию, каждый клочок русской земли, как гласил знаменитый сталинский приказ номер 227 от 28 июля 1942 года, решительные действия особистов, комиссаров и командиров воспринимались как своевременные и уместные.

Но здесь, в тылу, за сотню километров от передовой, рыться в мелочах, собирать наветы на боевого летчика, заслуженного офицера, допрашивая не только его самого, но и его боевых товарищей, пытаясь вытянуть из них ложные показания, казалось ему верхом тупости и кощунства.

Более нелепого, более абсурдного подозрения Покрышкин не мог бы и вообразить. Воевал он у всех на виду. В каждом воздушном бою старался следить за товарищами и вовремя их выручать, никогда не бросал на произвол судьбы своих ведомых. Этот факт мог подтвердить любой летчик полка, и они это делали, в обиду Сашу не давали. Вот почему старший лейтенант крутился на одном месте и никак не мог продвинуться в расследовании.

И все-таки прошлой ночью особист нашел зацепку.

– Расскажите, как вы выходили из окружения в районе Орехова, – как всегда вежливо предложил он.

– Я был сбит в неравном бою, – начал свой рассказ Александр. – Упал на нашей территории, недалеко от передовой. Первую помощь мне оказала какая-то пожилая женщина в своем доме. Промыла глаза, перевязала лицо и показала, где располагаются передовые позиции наших войск.

На окраине села я встретил несколько наших бойцов, которые провели меня на свой командный пункт. Там меня принял командир полка, оборонявшего село Малая Токмачка, внимательно выслушал и пообещал дать машину с солдатами, чтобы я мог вывезти самолет из-под обстрела.

– Номер воинской части и фамилию командира полка помните? – поинтересовался особист.

– Нет, я их не знаю.

Особист сделал какую-то пометку в своих листах.

– Ну хорошо, продолжайте.

– Потом командир полка приказал препроводить меня в медпункт и перевязать. Неподалеку шел упорный бой, рвались снаряды, трещали пулеметы и автоматы.

Далее Саша рассказал, как была отбита атака вражеской пехоты и командир приказал сержанту взять солдат, грузовик и помочь летчику. Как долго возились они с самолетом, пока ночью не подкопали его и смогли погрузить хвост в кузов грузовика. Потом двинулись к Пологам.

Ехали всю ночь. Утром въехали в какое-то село. Это были Пологи. Там он снял с самолета крылья, чтобы легче было буксировать. В Пологах у него ухудшилось состояние глаза. В госпитале ему сделали перевязку, там же он узнал, что его ведомый Комлев жив, но ранен и уже отправлен в тыл.

После перевязки и краткого отдыха он решил двигаться дальше. Но куда? На восток дорога была перерезана немцами. Сориентировавшись по карте, он решил пробиваться на юг, к Черному морю.

Так до утра он рассказывал свои приключения: как прибились к группе военных, как пробились в Черниговку и там примкнули к большой группе военнослужащих и вместе с ними решили идти на прорыв. Самолет ночью, по рекомендации какого-то авиационного генерала, он сжег. Потом напоролась на немцев. За руль автомашины, подобранной по дороге, сел шофер из местных, хорошо знающий дорогу, и они поехали.

– А вторая машина где же осталась? – вдруг спросил особист, доселе, как казалось Саше, уже дремавший.

– Вторая машина отстала, когда мы напоролась на немцев. Думаю, что сержант, сидевший за рулем, специально это сделал. Еще раньше он предлагал мне гражданскую одежду, уверяя, что так безопаснее выходить из окружения, что уже однажды ему такая маскировка помогла. Я категорически отказался от его услуг и посоветовал ему оставаться воином, смело смотреть в глаза опасности.

– Понятно. Что же было дальше?

– Дальше? Значит, так, всех, кто был в овраге, в лесополосе и ждал ночи, чтобы прорываться на восток, построил в колонну пехотный полковник и дал команду двигаться вперед. Как только мы оказались на открытом месте, чуть в стороне взлетели в воздух ракеты, и по дороге застрочили немецкие пулеметы. Послышались крики, стоны, люди начали падать на землю. Но полковник заставил всех подняться и бежать вперед, только так можно было прорваться. И мы пошли. Свистели пули, вокруг рвались мины. «Летчик, а ну покажи пример!» – крикнул мне полковник.

Я с группой солдат пристроился за броневиком, и мы, увлекая остальных, пошли дальше. Много чего там было, сейчас уже не помню. Но главное – мы прорвались к Володарскому и оказались на нашей территории. Потом добрался до Ростова, где я и нашел свой полк.

Саша замолчал и сразу вспомнил Кузьму Селиверстова, однополчанина, с которым он начинал войну в Молдавии, потому что он погиб буквально накануне его возвращения из окружения.

Селиверстов очень переменялся с того дня, когда в далекой Фрунзовке похоронил их общего друга Дьяченко, подбитого немцами. Он буквально не находил себе места на земле. А в воздухе стал бросаться на любую группу немецких самолетов и драться с ними со столь неистовой, ошеломляющей, а подчас просто безрассудной яростью, что даже Валентин Фигичев, его ближайший друг и тоже бесстрашный боец, только недоуменно пожимал плечами.

Кузьма уже был Героем Советского Союза, сбил одиннадцать немецких самолетов – по тому времени это был большой счет. Друзья уговаривали его: «Не психуй, побереги себя немного», но он только отмахивался, а если настаивали, едко спрашивал: «А Дьяченко берегся? Ну вот...» – и в очередном бою опять бросался на врага, не задумываясь, прикрывает его кто-нибудь или нет.

В середине октября он вылетел на поиски лейтенанта Ивачева и сержанта Деньгуба, накануне пропавших без вести. Ивачев был опытный пилот. Особый авторитет он завоевал 23 июля 1941 года, когда девятка «Мигов» трижды прорывалась сквозь ураганный огонь зенитных батарей вокруг аэродрома в Бельцах и расстреливала стоявшие на земле немецкие самолеты. После исчезновения комэска Соколова Ивачев возглавил группу, которая блестяще справилась с боевым заданием.

Вместе с сержантом Деньгубом лейтенант должен был произвести разведку и вот – не вернулись оба.

Селиверстов взлетел на стареньком «И-16». Все «Миги» в тот день ремонтировались. Над передним краем он увидел, что две «чайки» отбиваются от «мессершмиттов». Без колебаний Кузьма бросился на помощь своим. Схватка была неравной, «мессеры» были явно сильнее наших. Тем не менее одного из них Кузьма сбил, схватился с тремя остальными, прикрывая отход стареньких «чаек». Но на малой высоте у него заглох мотор – кончилось горючее, и немцы в упор расстреляли пилота.

Похоронили Селиверстова в поселке Султан-Салы.

Саша вспомнил, как было тогда тоскливо и муторно на душе. Из их довоенной компании в живых остались только Фигичев и он. И сейчас, сидя у особиста, он вспомнил то хмурое утро и как он убеждал тогда не давать никакой поправки, не жалеть, всегда и везде держать себя в железных рукавицах. К чему теперь все это? Может, это пришел его черед?

– Все, что вы рассказали, товарищ капитан, требует тщательной проверки, – откуда-то издали донесся до него голос лейтенанта и вернул его к действительности.

Саша и в жизни, и по всем анкетам был безупречно чист, тем не менее, его выходом из окружения особист уже интересовался несколько раз, задавая совершенно одинаковые вопросы и записывая ответы на них на листках бумаги.

С каждым ночным вызовом у Саши нарастала неприязнь к этому лощеному, ограниченному человеку.

Он ничуть его не боялся – после того, что он там увидел, пока жив, дал себе зарок не забыть... он же летчик, а там... хуже зайца! Как крыс гоняли... Каждый думал... только бы в щель проскочить. С воздуха вся земля одинакова, раньше только в газетах читал: там немцы деревню сожгли, там старика танками разорвали, там ребенка повесили. А тут... все своими глазами... После Запорожья он стал настоящим солдатом, и теперь уже ничего не боялся; подозрительность и бессмысленное упорство особиста, каждую ночь лишавшего его сна и мучившего нелепыми вопросами, вызывали в нем не без труда сдерживаемое глухое бешенство.

Именно тогда у него на мгновение возникла мысль покончить с собой, но на счастье, при переводе в запасной полк у него забрали пистолет.

Очень быстро, устыдившись своей минутной слабости, а может быть, под влиянием того же Вадима Фадеева, он пришел к выводу, что за свою правоту надо бороться, и бороться

конкретным делом. Умирать, так в бою, а не на берегу моря. Жалко, конечно, что нет возможности пойти в бой и там доказать свою правоту.

4

Освобождение от особиста пришло неожиданно, как это часто бывает в жизни. Как-то вечером, едва он появился в общежитии, как к нему бросились поджидавшие его летчики – комиссар Погребной здесь! Его привезли из госпиталя и поместили на квартире.

Михаил Акимович Погребной был человеком старой партийной закваски. Воевал в полку он с первого дня, хорошо разбирался в партийной работе, умело ее проводил. Без него не проходило ни одно полезное начинание, как, впрочем, и устранение различных недостатков. Сам он не летал, но в душах летчиков, их переживаниях разбирался подчас не хуже, чем те, кто летал с ними на боевое задание в паре или в шестерке.

Регулярно встречаясь и беседуя с человеком с глазу на глаз, он подымал боевой дух у тех, кто приуныл или захандрил в сложной обстановке. И еще: после двух-трех партийных собраний, на которых Погребной выступал с докладом и на которые летчики смотрели скептически, – нужны ли они в боевой обстановке? – выяснилось, что они тоже являются важным делом, потому что помогают воевать. Комиссар умел задеть людей за живое, поднять их, возвысить над повседневной суетой.

Иногда летчики ворчали из-за придирчивости Михаила Акимовича: к чему эти постоянные напоминания о строевой дисциплине, требование застегивать гимнастерку на все пуговицы, чтобы люди не забывали отдавать честь друг другу, рапортовать по форме.

Ветераны полка повиновались вначале этим требованиям нехотя, лишь бы избежать неприятных объяснений с начальством. Однако воинская подтянутость, о которой забыли в первые месяцы войны, постепенно стала возвращаться, и Покрышкин, почувствовав, что эта привычка благоприятно сказывается на боевой работе летчиков, сам стал неуклонно ее исполнять. Подчиненные, естественно, последовали примеру своего командира.

Первое время у Саши не складывались отношения с Погребным. Он не любил, когда ему начинали разьяснять вещи, в которых он прекрасно разбирался сам. Но постепенно между ними сложились хорошие отношения, и оба относились друг к другу с большим уважением. Весной 42-го в городке Краснодоне Покрышкин был принят в партию, и партбилет ему вручали Погребной с парторгом Крюковым.

...На следующее утро Саша постучался в дверь квартиры комиссара.

– А-а, Покрышкин, входи, входи, – приветствовал его Погребной. – Хорошо, что зашел. А я вот, видишь, все никак не встану. Скучал по своим, еле вырвался из госпиталя.

Комиссар был еще бледен, слаб, но глаза уже были оживленные. Чувствовалось, что здоровье его идет на поправку.

– Ну, рассказывай, что там случилось с тобой.

Он удобнее прилег и приготовился слушать.

Саша подробно рассказал о том, что произошло, показал копию характеристики, которую Исаев направил в трибунал, сообщил, что командир полка отозвал из Москвы представление его к званию Героя Советского Союза, подписанное им, Погребным, и бывшим командиром полка Ивановым.

– Да, Покрышкин, положение у тебя сложное. Надо хорошенько подумать, как тебе помочь.

Погребной задумался.

– Я понимаю, Михаил Акимович, что совершил глупость, – сбивчиво, волнуясь заговорил Саша. – Но согласитесь, одно дело наказать человека за провинность, и совсем другое – расправиться с ним. Я очень прошу вас, напишите на меня объективную характеристику в трибунал. Вы меня знаете с сорок первого, и ваше слово будет весомым.

– Конечно, я тебя знаю, – согласился Погребной. – И ты правильно говоришь – нельзя в человеке перечеркивать все хорошее, если даже он ошибся. А вот видишь, даже в такое сложное для страны время находятся люди, которые поступают иначе: споткнулся кто-то, ну и втаптывай его в грязь, а не то еще поднимется и обойдет. Вот у тебя сколько боевых вылетов?

– Больше четырехсот.

– А сбил сколько?

– Официально двенадцать, есть еще и незасчитанные.

– А когда мы с Виктором Петровичем готовили на тебя представление на Героя, было семь сбитых самолетов и около трехсот боевых вылетов. Вон все выросло насколько. Этого не перечеркнешь...

Комиссар приподнялся и оперся на локоть. И как он это обычно делал, сидя под крылом самолета в перерывах между вылетами, стал неспешно рассуждать о недопустимости горячности в поведении для такого зрелого летчика, каким является он, Покрышкин, что на него равняется молодежь и берет с него, лучшего воздушного разведчика в полку, пример. Сожалел об отсутствии Иванова, что дело раздули и оно зашло слишком далеко, а закончил тем, что пообещал сегодня же написать характеристику и передать ее в штаб полка.

– Так что иди, дорогой, включайся в жизнь полка, все утрясется, – успокоил Сашу комиссар.

От Погребного Покрышкин вышел окрыленный. Теперь у него появилась надежда на завтрашний день. Ведь особисты в то время еще подчинялись в армии политорганам.

И действительно, через день он уже почувствовал перемены. Сначала, по указанию генерала Науменко, он посетил 100-й истребительный полк Тараненко, того самого, с которым имел столкновение в столовой, и провел с его летчиками беседу. Рассказал все, что знал о сильных и слабых сторонах немецкого истребителя «Мессершмитт-109». Два часа он жил полетами, был в своей стихии. Летчики задавали много вопросов, ответы на них заняли больше времени, чем сама беседа.

После занятий подполковник Тараненко пригласил Александра к себе на квартиру на обед. Там их уже ожидал комиссар 100-го полка. Во время обеда оба вели себя так, словно никакого инцидента в столовой не было. Интересовались, как идут Сашины дела. Когда он откровенно рассказал о всех своих неприятностях, хозяева очень удивились, и Тараненко тут же пообещал написать начальнику гарнизона благожелательное объяснение по поводу происшествия.

5

Через несколько дней из штаба воздушной армии поступил приказ о перебазировании полка на новый аэродром недалеко от Махачкалы.

Полк переезжал поездом. Офицеров, технический персонал разместили в пассажирских вагонах, автомашины закатали на платформы.

Перед отъездом Исаев пытался задержать отправление характеристики комиссара Погребного на Александра в бакинский трибунал, а ему самому приказал остаться в запасном полку до окончания разбирательства. Однако характеристику все-таки пришлось послать – помог начстрой Павленко. А что касалось отъезда, то Саша решил тайно, «зайцем», в кузове грузовика, ехать только с полком. В запасном оставаться было опасно. Дойдет дело до суда – кто за него вступится. В запасном полку люди друг друга не знают, вместе не воевали. Потому от своего коллектива он отрываться не хотел.

Полк прибыл на новое место ночью и разгрузился. На следующий день, часов в десять утра, в расположение полка прибыл командир дивизии полковник Волков с комиссаром дивизии Мачневым, коренастым, подтянутым военным с четырьмя прямоугольниками в голубых петлицах.

В общежитии подали команду «Подъем!», летчики впопыхах оделись и построились. Комдив Волков – высокий, молодеватый, в свежем, тщательно отутюженном обмундировании, с орденами на груди, в новенькой пилотке и начищенных до блеска сапогах, неспешно прохаживался перед строем. Было ему лет тридцать пять, но молодым летчикам он казался пожилым, если даже не старым.

Отвечая на приветствие подбежавшего начальника штаба, он молча поднял руку к пилотке и, окинув его быстрым, сумрачным взглядом, поинтересовался:

– Вас что, корова жевала? Погладить обмундирование негде?

Начштаба растерянно молчал.

В эту минуту, застегивая пуговицы воротничка гимнастерки, потирая глаза и оглядываясь по сторонам, к шеренге торопливо приблизился комполка Исаев, заспанный, небритый. Ночью они втроем: он, Воронцов и начштаба, крепко выпили, «обмыв» прибытие на новое место.

– Чудесно! – начал разнос комдив. – Комполка спит как убитый, начальник штаба где-то болтается, а люди предоставлены самим себе! Кино! – возмущенно загремел он. – Безответственность!.. Немыслимая!

Исаев недоуменно и растерянно посмотрел на начальника штаба. Следить за устройством и размещением людей было поручено ему. После прибытия в пункт назначения, разгрузки ночью люди устали, полк находился в глубоком тылу, даже опасности ночной бомбежки со стороны немцев не было, поэтому начштаба расслабился и после выпивки с командиром уснул.

Виноват был начальник штаба, а отвечать теперь приходилось Исаеву.

Они стояли перед командиром дивизии, словно два провинившихся школьника: начштаба, вытянув руки по швам, покраснев и виновато глядя ему в глаза, а Исаев – наклонив голову, смотрел в землю.

– В чем дело? Объяснитесь! – после короткой паузы потребовал полковник. – Может, война уже окончилась?

И помолчав, недовольно, с сердцем заявил:

– Воевать вы еще можете, но из боя вас выведешь и – ни к черту не годитесь! Один спит, другой где-то болтается, а летчики на морском пляже с утра устроились! – с негодованием сообщил он. – И еще водку, наверное, пьете! Нет, видно мало вас гонял генерал Осипенко.

В шеренге летчики зашептались. Кого-кого, а первого комдива, Осипенко, разносившего всех, кто ему попадался во время приезда в полк под руку, в пух и прах, ветераны помнили хорошо, а от них и молодые об этом генерале знали.

– Люди устали после переезда, – хриловатым голосом робко возразил Исаев. – Они заслужили отдых... А на пляже – это не мои... Соседи, наверное...

Да, возражать командиру в данной ситуации явно не следовало.

– Это не отдых, а разложение! – раздражаясь, воскликнул Волков. – Бездействие, как и безделье, разлагает армию! Пока прибудет пополнение и новая техника, мы простоим здесь, возможно, не менее полутора-двух месяцев. Вы что же, так намерены и дальше погоду пинать?! Или будете на пляже загорать?! Да вы так весь полк разложите!

Немного успокоившись, он приказал:

– С завтрашнего дня не менее трех часов в день заниматься тактикой воздушного боя. Через день получите учебные «Яки» и начнете летать!

Он отвернулся и пошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица летчиков. За ним последовали Исаев с начштаба и, несколько приотстав, комиссар дивизии.

Дойдя до конца шеренги, Волков остановился, повернулся к Исаеву и строго спросил:

– У вас в полку был летчик Покрышкин, где он?

– Был, товарищ полковник, – поспешно ответил Исаев. – Он оставлен в Баку... Его должны судить...

– Судить? За что?

– Нахулиганил, и вообще... – замялся Исаев.

– Ну-ну, договаривайте. Что вы еще хотели сказать?

Исаев молчал.

– Я знаю Покрышкина по фронту, – продолжил полковник. – Хороший был истребитель...

– Раздувают, товарищ полковник.

– Раздувают? – Командир дивизии недоуменно посмотрел на Исаева.

Но тут в их разговор вмешался комиссар дивизии Мачнев.

– Вы неправильно оцениваете Покрышкина, товарищ майор, – сказал он, остро взглянув на Исаева своими круглыми, как у ястреба, глазами, и, обернувшись к полковнику, продолжил: – В этом деле надо разобраться!

Мачнев получил накануне записку от Погребного и уже располагал кое-какой информацией.

– А Покрышкин тоже с нами приехал, его можно вызвать, – сказал кто-то из шеренги летчиков.

– Найдите Покрышкина! – приказал Волков Исаеву. – И позовите его ко мне.

Командир полка кивнул Науменко, летчику, стоявшему ближе к нему в шеренге, и тот побежал.

– А план боевой подготовки у вас есть? – неожиданно спросил Волков у Исаева. Тот, одарив начштаба мгновенным бешеным взглядом, молчал, только желваки перекатывались на его щеках.

– Так, плана нет. Даю вам два часа на подготовку плана! – И после короткой паузы продолжил: – Создайте личному составу полка все необходимые условия для жизни!

Он вскинул руку к пилотке и, отходя, коротко приказал:

– Выполняйте!

Исаев скомандовал: «Вольно!» Полк начал расходиться.

В этот момент подбежали Покрышкин с Науменко. Саша буквально на ходу приводил себя в порядок.

Волков с комиссаром лишь переглянулись, когда он коротко доложил суть происшедшего.

– Изложите все на бумаге и передайте ее комиссару! – коротко приказал полковник и, козырнув, сел в машину.

Вечером того же дня было проведено заседание партийного бюро полка, на котором присутствовал комиссар дивизии Мачнев. Те же товарищи, которые голосовали за исключение Покрышкина из партии, теперь дружно отдали свои голоса за его восстановление.

А уже на следующий день Исаев предложил ему должность заместителя командира полка. Как говорится, из грязи в князи. Но Саша отказался. Идти заместителем к человеку, оставившему у него на сердце больше шрамов, чем пятнадцать месяцев войны на теле – было выше его сил. Он попросился в эскадрилью.

Заместителем командира полка стал Валентин Фигичев, ветеран, один из немногих, кто начинал войну в Молдавии и пережил все тяготы, выпавшие на долю полка.

А Саша принял его эскадрилью. Жизнь снова расцвела для него радужными красками.

Каждый день теперь начинался с учебных полетов на «Яках». Вместе с Фадеевым они начали тренировать свои эскадрильи по новой, разработанной Сашей системе.

В начале августа 16-й гвардейский истребительный полк перелетел на специально подготовленный для него аэродром под рыбачьим поселком Манас, в сорока километрах от Махачкалы. Штаб полка разместился в самом поселке на берегу Каспийского моря.

Устроившись, под вечер следующего дня летчики поехали на полutorке знакомиться с поселком. С кузова грузовика он был виден как на ладони.

Селение, состоящее из двух-трех рядов серых, цвета дорожной пыли, и ослепительно-белых домиков с крышами, покрытыми черепицей, расположилось вдоль склона холма. У самого въезда в поселок дорога расходилась на две главные улицы, а в месте их соединения находился большой дом, фасадом к мерцающему вдали Каспийскому морю.

Перед домом высились два больших платана, под ними имелось несколько скамеек, за домом раскинулся небольшой сад. В этом доме, как им сказали, находилась санчасть одной из авиационных частей, в которой лечился комэск 16-го полка Анатолий Комоса. Саша решил навестить однополчанина. Вместе с ним увязались неугомонный Андрей Труд и Володя Бережной.

Когда они подошли к дому, было уже совсем темно, только в некоторых окнах тускло мерцал свет. Кругом было тихо, где-то вдалеке лаяла собака.

Летчики открыли входную дверь и наугад двинулись коридорчиком, пока не уперлись в дверь. Открыв ее, они оказались в небольшой чистенькой комнате, посреди которой за маленьким столиком сидела девушка в белом халате и что-то писала при свете керосиновой лампы. Рядом на столе лежала книга.

«Со мной ничего не случится». Она медленно вывела эти слова, посмотрела на них, вздохнула и, положив руку на столик, стала смотреть в темное окно.

Какой унылой фразой она заканчивала письмо к матери. Пожалуй, все происходящее с ней вовсе не так уж и грустно, вот только не хватает настоящего чувства. И рождает эти настроения городок Манас, куда недавно перебрался их батальон аэродромного обслуживания. Все девчонки в санчасти суетятся и болтают. Первое, что приходит на ум, когда она думает о Манасе, – это нескончаемый шум морского прибоя, то усиливающегося, когда на море поднимается ветер, то ослабевающего до редкого тихого нашептывания, и этот непередаваемый запах моря.

Она расположилась в приемной лазарета, где регулярно дежурит по ночам. Решив еще раз перечитать письмо, взяла листок в руки.

«Ты, должно быть, уже получила мои последние письма из-под Миллерова, еще одно я отправила пару дней назад

из Махачкалы. Очень трудно подобрать слова... мне так хочется рассказать, как прекрасна эта республика, но я боюсь перестараться, а то ваша нелегкая жизнь может показаться вам совсем ужасной. Сейчас я сижу в лазарете, как всегда дежурю...»

Она оторвалась от письма и подумала: «Сволочь этот начальник санслужбы. Видишь ли, понравилась, и тут же полез... А когда получил по морде, решил мстить. Теперь при каждом удобном случае загружает работой. Приходится отвечать за амбулаторию и хирургический блок, а по ночам – дежурить в лазарете. На мне свет клином сошелся! Других нет, везде я и я. Спасибо девчонкам – хоть изредка добровольно подменяют, позволяя урывками поспать. Но маме об этом знать ни к чему».

Она опять продолжила чтение письма.

«...Но вообще-то мне нравится здесь даже одной. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы ты была здесь и ради тебя самой, и ради меня, конечно. Ну, ты понимаешь, о чем я. Впервые за пятнадцать месяцев с начала войны, испытал сполна и горечь отступления, и боль утрат, и тяготы фронтовой службы, мы, наконец, пришли в себя и обогрелись под ласковым южным солнцем.

Представь себе – наша санчасть расположилась в доме на берегу моря. Где-то под обрывом оно вздыхает, лениво перекатывая гальку. Открываешь утром окно, и комната наполняется острыми запахами морской соли, рыбной чешуи, спелыми яблоками и табаком, который здесь выращивают.

При желании можно сойти вниз, на пляж, выкупаться в море и побродить по берегу. Идешь и натыкаешься на брошенные рыбаками обрывки старых сетей с высохшими морскими водорослями.

Суровую зиму 41-42 года вспоминаю как что-то ужасное. Особенно трудно было во время дежурств на аэродроме. Сидишь бывало в промерзшей насквозь санитарной машине и чувствуешь, как постепенно превращаешься в ледышку.

А наши бедные авиатехники! Они днюют и ночуют на аэродромах возле своих самолетов. Обморожение среди них было обычным явлением, хотя мы и старались как могли им помочь. Приходилось только удивляться, как люди не простужались, круглосуточно находясь на морозе и ветру, когда они ели и спали? С обмороженными лицами и руками, насквозь пропитанные бензином и маслами, они самоотверженно делали свое дело. Все мы из батальона аэродромного обслуживания, или, как у нас говорят, БАО, – связисты, метеорологи, медики, оружейники, солдаты аэродромной роты, автомобилисты, интенданты – все мы обеспечивали постоянную готовность наших подразделений».

Подумав, она приписала:

«А в целом у меня все прекрасно. Подруги прекрасные. Самая близкая – Тая Попова. Она заведует аптекой, очень строгая, но по сути – добрый, душевный человек...»

Рядом кто-то кашлянул, и на письмо упала тень.

Она подняла голову. В полутьме передней стояли трое. Впереди капитан – выше среднего роста, лет тридцати, широкоплечий, статный, с несколько угрюмым выражением лица, с орденом Ленина на груди. Из-за его плеча выступал высокий, тонкий, светловолосый лейтенант с лукавыми, смеющимися глазами. Третьего она не рассмотрела.

– Добрый вечер! – приветствовал ее лейтенант.

– Здравствуйте.

– Капитан Комоса у вас лежит?

– Да, у нас.

– Разрешите нам его проведать?

– Почему так поздно? – строго и даже неприветливо спросила она.

– Задержались на аэродроме, – с виноватым видом объяснил лейтенант. – Он наш друг, и нам надо сегодня его обязательно проведать.

Пока лейтенант вел переговоры, капитан, заложив большой палец правой руки за ремень на поясе, молча разглядывал девушку. Его облик и осанка – все было серьезным и основательным.

– Ну что ж, – после некоторого колебания согласилась медсестра, – если это так срочно.

Пройдите по коридору, вторая палата направо. Только недолго.

Двое летчиков повернулись и вышли, а капитан неожиданно остался.

– Капитан Покрышкин, – представился он и, присев на табурет, поинтересовался: – Что читаете?

– Как видите, – нехотя ответила она, потом добавила: – «Отверженные» Гюго.

– Интересно бы почитать. Сам недавно был отверженным.

– Вы, кажется, пришли проведать больного? – Она оживилась, в глазах мелькнула искорка смеха.

– Я передумал!

– Ха-ха-ха! – колокольчиком зазвенел ее голос. – Вы всегда так быстро меняете планы? – сквозь смех спросила она.

– В зависимости от боевой обстановки, – нашелся капитан.

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Теперь, когда он находился рядом, она рассмотрела, что у него коротко стриженные темно-русые волосы. Большие глаза, очень чистые и светлые, волевой подбородок. Общую картину, по ее мнению, портил великоватый нос, придававший лицу некоторую угловатость. Загорелая кожа, энергичные движения – все вызывало у нее симпатию и неясное волнение, чего раньше она никогда не испытывала.

Он спрашивал еще о чем-то, пытаясь втянуть ее в разговор, возможно, она и отвечала, но в тот момент он, тоже взволнованный, кроме прелестных голубых глаз, красивого рисунка губ и ровных белых зубов, ничего не видел и ничего не осознавал. Словно наваждение какое-то. Откуда-то издалека до него донеслось:

– Я вижу, вас надо проводить к больному. Сами вы дороги не найдете.

Она встала, подошла к двери и открыла ее:

– Пойдемте!

Только теперь капитан окончательно очнулся. Он нехотя поднялся и пошел за товарищами в палату.

Вскоре все трое вернулись в приемный покой. Капитан снова подошел к девушке:

– А все-таки, может, ты дашь мне эту книгу? Я читаю очень быстро, правда...

Она мгновенно подобралась, лицо стало серьезным и строгим.

– Мы что же, с вами стали уже на «ты»? – последовал встречный вопрос. В голосе слышалась ирония.

– Извините, постараюсь исправиться, – спохватился он. – Но все-таки, может, дадите мне книгу?

– Не могу, она не моя.

Она решила, что капитан, выпрашивая книгу, ищет предлог для повторного визита. А встреча с книгой для нее в этот период была просто наслаждением, а тут еще «Отверженные» Виктора Гюго. Отдавать ее очень не хотелось.

– Когда вам ее вернуть? – спросил он, бесцеремонно забирая книгу со стола.

Она уступила.

– Вернете хозяйке – нашей медсестре Вере.

– Нет. Хочу вернуть только вам!

И они быстро покинули медчасть.

«Уж эти мне гвардейцы!» – подумала она. Тут же вспомнила, что не далее как вчера в лабораторию прибежала медсестра Тамара Лескова и прямо с порога заявила: «Мария, к нам сразу два истребительных полка прибыло. А один из них гвардейский». Занятая своими делами после очередной бессонной ночи, она не проявила к этому сообщению никакого интереса: мало ли кто там прибыл – гвардейцы или кто еще. Ей-то какая разница. Расстроенная неурядицами из-за начальника санчасти, она быстро забыла об этих гвардейцах, и вот теперь они сами напомнили о себе.

Задумчиво глядя вслед ушедшим, она подумала, что, пожалуй, этого капитана не так-то просто огорчить. Эта самоуверенность...

Было в нем еще что-то такое, чего сразу она не могла объяснить. Сказать, что он хорошо знает, чего хочет от жизни, – значит, сказать не все; точнее было бы так – приняв решение, он выполняет его неуклонно. Упрямый, видно, товарищ...

Вряд ли все это она осознала в тот вечер; просто интуитивно почувствовала наличие в нем тех черт, которые отсутствовали у нее самой; но в одном она не сомневалась – в этом человеке ощущалась сильная воля, привычка навязывать ее другим, и отсюда эта всепобеждающая самоуверенность. А на его фразу «недавно тоже был отверженным» она как-то не обратила тогда внимания.

На следующий день Тамара Лескова пошла под вечер на пляж и вернулась оттуда довольно поздно. Проходя мимо Марии, она небрежно бросила: «Купалась с твоим капитаном. Все выспрашивал о тебе: кто такая, откуда, замужем ли». Мария вопросительно на нее посмотрела, но Тамара ее успокоила: «Не бойся, сказала, что не замужем», – и пошла к себе в комнату. «Больно надо», – бросила ей вслед Мария, но Тамара ее уже не слышала.

Утром Мария вновь увидела капитана. Он появился в амбулатории сумрачный, одетый в летный кожаный реглан. Мария сразу догадалась, что у него температура, но вида не подала и, раздав всем в очереди к врачу градусники, как положено по инструкции, занялась оформлением документов на больных.

Она делала вид, что очень занята, чувствуя, что капитан ее упорно рассматривает. Когда она невольно поднимала голову, он сразу же отводил свой взгляд. Стоило ей только заняться делом, как он опять принимался за свое. Так пролетели пять минут, пока не пришла пора проверять градусники. Мария бегло взглянула – температура под сорок. Нахмутив брови, она строго объявила: «Товарищ капитан! У вас высокая температура, вам необходимо лечь в лазарет».

Он и не сопротивлялся. Без лишних слов она провела его в палату, где лежал еще один летчик с острым приступом малярии. Через полчаса появился дежурный врач, осмотрел больного и выписал лекарства от простуды. «Хорошо вчера купались, товарищ капитан, –

чуть не сорвалось с языка у Марии, но она вовремя спохватилась: – Забыли, что вода уже холодная. Подвело вас любопытство».

Она не хотела себе в этом признаваться, но мысль, что он лежит в лазарете через стенку от нее и что при первом же желании она может его увидеть, была ей приятна.

6

...Д-р-р, – затарахтели пули по фюзеляжу и крылу. Мотор стал давать перебои. «Дотяну ли до своих, или придется садиться здесь, у Орехова? – тревожно бьется мысль. – Сейчас, сволочи, будут добивать. Сделают очередной заход и будут по очереди расстреливать мой дымящий, теряющий скорость «Миг»... Нет, сдаваться нельзя... Опущусь ниже на сиденье, чтобы меня совсем закрыла бронеспинка и, уклоняясь от их атак, попытаюсь тянуть... Ага, понял... Они для пристрелки сначала выпускают длинную очередь из пулемета. Вот она: пули застучали по бронеспинке, считаю – одна, две секунды – теперь уклон влево. Точно – трасса от снарядов прошла мимо. Теперь надо ждать нового захода... Вот они опять вышли на дистанцию прицельной стрельбы – теперь уклон вправо... Они опять промазали... Нет, эти не оставят меня, пока не увидят мой самолет на земле.

...Проскочил Орехов... Кругом пустынно, никого не видно... Значит, передний край уже близко... Точно, вот знакомая будка путевого обходчика, на лужайке девочка пасет корову...

Сильный удар по машине... Черт, проморгал-таки очередной их заход, увлекся поисками ориентиров... Теперь в машину попал снаряд... отказало управление...

С грохотом пронесся, мелькнув закопченным пузом, «мессер»...Все, падаю... Что-то трещит и ломается под машиной... Удар головой о приборную доску... Не снял очки... Глаза?!»

От собственного стога он проснулся. Некоторое время сонно соображал, где находится. Потом мысли стали более связными, в голове прояснилось. Происшествие под Ореховом который раз преследует его во сне. Но разбудил его какой-то звук. Возможно, ветер? Вечером было тихо, наверное, он поднялся ближе к ночи, и теперь за окном вздыхали раскачивающиеся платаны, а его порывы заставляли тонко звенеть стекла в окне.

Голова болела, во рту пересохло, в ушах стоял тихий, настойчивый звон. Покрышкин окончательно проснулся и тихо лежал на спине, устало прикрыв веки. «Где я?» – никак не мог он сообразить. Потом, почувствовав запах йодоформа и карболки, вспомнил, что лежит в маленькой комнате лазарета, куда его поместила утром эта белокурая медсестра.

Мысли вернулись ко вчерашнему – им сообщили, что они будут осваивать американский истребитель, который поступает в страну из Ирана по ленд-лизу. Сколько будет длиться это переучивание, никто не знает. Очевидно, несколько месяцев. Ведь надо не только освоить новую материальную часть, не только в совершенстве овладеть пилотированием этой «аэрокобры», но и найти новые методы применения ее в бою. Новый самолет – новая тактика.

Как и все летчики, Саша не забывал о своих неудачах. Да и как их забудешь, если они не оставляют тебя даже во сне. А когда просыпаешься, чувствуешь, как они сидят в твоей душе глубокой занозой. Избавиться от них можно только одним способом – он знал это по опыту – нужно честно признаться перед самим собой, где ты был не прав, где допустил ошибку, где не так сманеврировал и за это поплатился.

Сейчас, лежа на больничной койке, в тишине, когда его сосед, старший лейтенант, затаил после очередного приступа малярии, он вспоминал свои ошибки, потом своих героически погибших однополчан – Атрашкевича, Соколова, Дьяченко, Селивестрова, Никитина. Вспомнил, как погиб Семен Овчинников, адъютант его эскадрильи, которого перед войной он учил летать на «Миге» и который нередко тогда спорил с ним, не желая идти на перегрузки, предпочитая соблюдать инструкции. Овчинников был сбит в первом же бою при выписывании своих плавных виражей.

Потери на войне неизбежны – это старая истина. К тому же у немцев больше самолетов. Но, может, причина наших потерь не только в этом. Может, причина в недостаточной орга-

низованности во время воздушных боев, в увлечении личными успехами? Было, конечно, и это. Но все ли объясняется только этими причинами? – не раз спрашивал он себя...

Все это были составные части общего явления, к которому он подступался уже не раз, то с одной, то с другой стороны, но все никак не мог постигнуть его в целом.

Взять хотя бы полеты на «мессершмиттах» в группе генерала Науменко. Оказалось, что «мессер» совсем не превосходит наш «Як» в маневрировании, а по некоторым показателям – даже уступает ему. Тогда почему же немцы с такой бешеной скоростью начинают атаку, почему они с таким ревом и свистом пикируют на наши аэродромы, успевая удрать на высоту прежде, чем опомнятся наши зенитчики?

И тут его осенило. Да они же развивают дополнительную скорость, потому что всегда действуют с высоты и, включая форсаж, к моменту начала схватки не только мгновенно атакуют, но и столь же стремительно, используя инерцию самолета, выходят горкой из атаки, вновь занимая выгодную позицию. А почему, спрашивается, не можем так же делать мы?

Вывод ясен: чтобы свободно применять вертикальный маневр, надо овладеть скоростью и высотой. Хозяин неба тот, кто выше всех. В наших истребительных частях пока еще не понимали решающего значения скорости. Согласно существующим инструкциям, летчик мог загружать мотор на полную мощность только в момент атаки. Еще в начале войны он пришел к выводу, что главной причиной их неудач при сопровождении тихоходных бомбардировщиков «СБ» была малая скорость их истребителей. Вследствие этого бои приходилось вести на горизонтальных маневрах. Именно тогда для увеличения скорости истребителя при сопровождении бомбардировщиков они стали летать змейкой, выше и сзади бомбардировщиков, эшелонируясь по высоте.

Его опыт свидетельствовал: воздушные бои возникают внезапно, они скоротечны, а для разгона машины требуется время. Многие летчики потому и погибали, что не успевали вовремя набрать максимальную скорость и увернуться от «мессера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.